



# СВИНЦОВАЯ

# ВОЛЯ

ВАЛЕРИЙ  
ШАРАПОВ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

**Свинцовая воля**

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

## **Шарапов В. Г.**

Свинцовая воля / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,  
2023 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-199404-4

В послевоенном Ярославле неспокойно. В местном сельпо убита продавщица и находившаяся там покупательница. Чуть ранее зверски зарезан пожилой мужчина, обезглавленный труп которого убийцы сбросили в выгребную яму. Чтобы прекратить кровавый беспредел, оперативники внедряют в банду лейтенанта угро Илью Журавлева. Ему удастся войти в доверие к главарю и выведать, что в ближайшее время готовится ограбление железнодорожного вагона с дорогими мехами. Подходящий случай, чтобы накрыть сразу всю шайку. Илья спешит сообщить о предстоящем деле своим, не подозревая, что сам уже давно «на крючке» у головорезов... Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199404-4

© Шарапов В. Г., 2023

© Эксмо, 2023

# Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

# **Валерий Шарапов**

## **Свинцовая воля**

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

## Глава 1

Первая послевоенная весна не была похожа на прежние. Лизе казалось, что воздух наполнен нежной хрустальной свежестью, пронизан тонкими ароматами цветущих деревьев, – она дышала и никак не могла им надыхаться. И было удивительно, что на старых развалинах взорванного при вражеском налете авиабомбой пятиэтажного дома неведомо каким чудом пробился слабый росток голубенькой фиалки с золотистым сердечком возле тычинок.

Лиза остановилась и залюбовалась им, как будто после долгой разлуки вдруг встретила близкую подружку. Глядя восторженными глазами на робкий цветок, девушка вдруг с горечью подумала о том, что фиалку могут затоптать. С этой минуты ей не стало покоя. Худенькая, с нескладной фигурой, она была похожа на подростка, Лиза в свои семнадцать лет сполна испытала адские муки военной поры, которые не каждому взрослому под силу выдержать. Она по себе знала, насколько хрупка человеческая жизнь: а тут всего лишь обычный цветок на ломком стебельке. Мучительно больно было даже мысленно представить, что цветок может запросто пострадать от людской черствости, и она тщательно обложила его камнями. Расставаться с первой увиденной этой весной фиалкой все равно не хотелось, но Лиза торопилась на работу.

– Я вернусь, – вслух пообещала девушка и испуганно оглянулась, чтобы кто-нибудь из случайных прохожих не подумал, что она тронулась умом, раз разговаривает с неодушевленным предметом. – «Ну и пускай», – сейчас же решила Лиза и нарочито нахмурила белесые брови, плотно поджала шелушившиеся от сухости тонкие губы, за которыми прятались слегка кривые мелкие зубы, начавшие заметно крошиться от постоянного недоедания и отсутствия витаминов. – «Ну и пускай!» – капризно повторила она и сердито топнула тонкой ногой в обвислом коричневом чулке. – Мне-то что от этого?»

Лиза в последний раз бросила ласковый взгляд на фиалку и резво побежала к магазину «Продукты», где с недавних пор работала продавщицей. Громко стуча по выбитому серому асфальту твердыми каблуками тяжелых башмаков, придерживая развевающиеся полы старенького материнного пиджака, она бережно держала авоську со своим скудным обедом: аккуратно завернутый в пожелтевший от времени клочок газеты «Правда» подсохший кусочек ржаного хлеба и полбутылки козьего молока, тщательно заткнутой самодельной газетной пробкой. (Молоко мать третьего дня выменяла на базаре на самосад, несколько фунтов которого у нее хранилось еще с довоенной поры.)

Продуктовый магазин располагался в старинном двухэтажном особняке на углу улиц Интернациональной и Базарной. До революции дом принадлежал купцу первой гильдии Аносову. Первый этаж обширного особняка был добротнo выстроен из красного прочного кирпича, второй же был надстроен из могучих дубовых бревен. Сейчас в этом основательном строении, которое уцелело даже под ожесточенными бомбежками немецкой авиации и которое, по всему видно, простоит еще не один век, были устроены коммунальные квартиры. В них проживали рабочие и простые служащие Страны Советов.

Сам магазин занимал небольшое помещение на первом этаже, где купец когда-то держал торговую лавку. Здесь и сейчас на окнах были кованые решетки, а располагавшаяся с торца входная дверь из толстого железа выглядела громоздкой, как у бронированного сейфа. Тем не менее она открывалась с невероятной легкостью и без малейшего скрипа, поскольку петли были от души смазаны вонючим солидолом, который хозяйственная Лиза раздобыла у одного военного шофера, выменяв на шкалик водки.

– Здравствуйте, баба Мотя, – звонко поприветствовала она пожилую дворничиху, заметив ее согбенную фигуру в сером линялом халате, стоявшую у кучи собранного мусора, и быстро направилась в ее сторону, на ходу интересуясь: – Петр-то чего ваш пишет? Домой не собирается?

Женщина аккуратно высыпала содержимое совка в ржавое, изрядно погнутое ведро и оставила его там же. Держась за поясницу, с трудом разогнулась и со вздохом ответила:

– Обещает скоро приехать. А там кто его знает... – губы у нее мелко-мелко задрожали, она вдруг всхлипнула и, вытирая кончиком платка повлажневшие глаза, негромко проговорила: – Который год жду, все глазоньки выплакала...

– Теперь-то чего реветь, – насупилась Лиза, которая слез не выносила по причине того, что всего лишь за один холодный мартовский прошлогодний месяц успела наглядеться столько ужасов и человеческих страданий, что их вид вызывал у нее отвращение. – Победу дождались, радоваться надо.

– Своего вот родишь, тогда узнаешь... – женщина опять всхлипнула, но уже заметно сдержаннее, – как они, детки-то, достаются. – Она из-под белесых ресниц окинула мокрыми глазами худенькую фигурку девушки, которая стояла напротив, от неловкости пиная моластными коленками авоську с обедом, и неожиданно улыбнулась: – Вот вернется мой Петька, я его на тебе женю... Пойдешь аль нет?

На острых скулах девушки выступил густой румянец, видный даже сквозь смуглую загорелую кожу. Она смущенно переступила с ноги на ногу, неопределенно пожала костлявыми плечами.

– Чего ж ты зарделась-то, как маков цвет? – спросила дворничиха, с любопытством наблюдая за ее изменившимся лицом с ввалившимися в темные глазницы воспаленными от жизненных тягот большими глазами. – Аль тебе мой Петька не по нраву? У него и медаль «За отвагу» имеется, – не утерпела она, чтобы не похвастаться.

– Почему же это не по нраву, – неохотно разлепила спекшиеся губы Лиза, искоса поглядывая на будущую свекровь, как бы еще не вполне доверяя ее словам. – Видела я его фото... вполне себе симпатичный парень. Только вы шутите, баба Мотя.

– Ну, вот еще, – наигранно возмутилась повеселевшая дворничиха, – буду я шутить. С чего бы мне это... шутить. Я вполне отдаю себе отчет... о чем гуторю.

– Баба Мотя, – вдруг спохватилась Лиза и предложила: – А хотите я вас козым молоком угощу?

– Что ты, милая, – поспешно отмахнулась женщина. – Пей сама. А то и так выглядишь как таловая тростинка, насквозь вся просвечиваешься. Мне-то особо торопиться некуда. Сейчас домой схожу, чайку попью и дальше за работу возьмусь. С самого спозаранку еще во рту маковой росинки не было. Ну, так что ты надумала по поводу моего Петьки? – все ж не утерпела женщина, чтобы еще раз не поддеть девушку, которая ей и в правду нравилась: даже она уж характер имела доброжелательный и собой была очень душевная. – Идешь за него замуж или мне надобно другую невесту ему приглядывать?

Лиза стрельнула на нее вспыхнувшими, словно просветленными глазами, затем потупилась и негромко призналась:

– Пойду... отчего не пойти... он у вас вон какой...

Но какой у нее сын, дворничиха так и не узнала, потому что девушка не договорила, внезапно сорвалась с места и прытко побежала к дверям магазина. Она торопливо поднялась по высоким дощатым ступенькам, вынула из кармана пиджака завернутый в носовой платок ключ и принялась зубами лихорадочно развязывать тугой узел. Руки у нее от волнения крупно дрожали, она даже пару раз уронила ключ, когда пыталась отомкнуть увесистый амбарный замок.

– Ох, уж эта баба Мотя, – хрипло бормотала Лиза, – придумает такое!.. Все бы ей шутить!.. Тоже мне, сватья нашлась!.. Мне и восемнадцати нет, чтоб... замуж выходить!.. Ой, и насмешница... прямо каких поискать!.. Его еще надо дожидаться!.. А потом... потом видно будет!.. Я, конечно, не против... Кто ж будет против того, чтобы замуж выйти?! Беда прямо с этой бабой Мотей!..

Дворничиха еще немного постояла, наблюдая насмешливым взглядом за суетливыми движениями девушки, затем, дождавшись, когда она наконец-то отомкнет замок и скроется в помещении магазина, протяжно вздохнула и сокрушенно покачала головой.

– Беспокойная нынче молодежь пошла, – произнесла она вполголоса, тепло улыбаясь одними глазами. – Слова им не скажи, разом вспыхнут... как будто полымем их обдаст.

Она подняла полное мусора ведро, и, согнувшись под его тяжестью на одну сторону, не спеша направилась к парадному подъезду двухэтажного особняка, где занимала одну из небольших комнат в коммунальной квартире. Оставив ведро и метлу в крошечной пристройке для хранения хозяйственного инвентаря на первом этаже, дворничиха, держась за облупленные от краски перила, поднялась к себе. На общей кухне женщина поставила на старенький керогаз свой основательно закопченный алюминиевый чайник с погнутым носиком. Сев за угловой шаткий столик, накрытый облезлой клеенкой с некогда желтыми, а теперь мутными подсолнухами, она уронила тяжелые, раздавленные многолетней работой руки на колени, и стала терпеливо дожидаться, когда он закипит.

Тем временем Лиза влетела в магазин, быстро закрыла за собой дверь, плотно прижалась к прохладному металлу спиной и потным затылком. Она чувствовала, что сегодня сердце билось у нее не как всегда, а трепыхалось испуганным воробышком, нечаянно угодившим в силки, готовое в любую секунду выпрыгнуть из ее тщедушной грудной клетки с двумя небольшими выпуклостями вместо полноценных грудей, которые бывают у настоящих женщин.

«Это ничего, – тотчас подумала она, – я еще юная и не набралась соку. Да и еда скудная. А вот выйду замуж, так и у меня груди вырастут».

Она счастливо засмеялась, порывисто откачнулась от двери и, оставив авоську с обедом на табурете, пробежала за прилавок, где в простенке между пыльными окнами был кое-как прикреплен ржавыми гвоздями небольшой осколок зеркала, недавно найденный ею в разрушенном авиабомбой частном доме. Лиза знала, что держать у себя и тем более глядеться в осколок ни в коем случае нельзя, чтобы не притянуть к себе все мыслимые и немыслимые несчастья, но поделаться с собой ничего не могла, потому что молодость неумолимо предъявляла свои права, и с этим приходилось мириться.

Перед зеркалом Лиза немного погримасничала, внимательно оглядывая свое некрасивое лицо с разных ракурсов, как бы оценивая его со стороны.

– Фи! – сказала она вслух, разочарованно наморщила веснушчатый носик и показала себе кончик языка, затем быстро надула щеки. – И чего это баба Мотя во мне такого нашла, – пожалала она плечами. – Разве волосы густые да волнистые, – с сомнением невнятно произнесла девушка, держа в зубах шпильки и ловко забирая свою пышную рыжую шевелюру под светлую косынку. – Ну, точно, – решила Лиза, – сама-то она седая, как лунь.

Справившись с волнением, она переделалась в старенький халат, который от бессменного ношения давно потерял свой изначальный белый цвет. Облезлый от стирки, с мутными желтыми разводами, он тем не менее выглядел довольно добротным: чистый, старательно заштопанный, с аккуратными заплатами в сильно порванных местах. Все это было делом заботливых рук хозяйственной, домашней Лизы, с особой тщательностью следившей за надлежащим видом своей рабочей одежды, чтобы не было стыдно перед покупателями.

Сегодня же, взглянув на себя в зеркало, Лиза неожиданно впервые подумала о том, что она выглядит в своем халате очень важно, как настоящий врач. Эти ее несвоевременные мысли, по всему видно, были навеяны словами бабы Моти о ее замужестве, потому что дальше Лиза подумала о том, что после свадьбы она обязательно должна выучиться на фельдшера.

Воодушевленная внезапным порывом приобрести медицинскую профессию, которая ни в какое сравнение не идет с профессией обычного продавца, Лиза в своих мыслях пошла еще дальше. Она уже видела себя под ручку с Петром, дослужившимся до звания самого главного

генерала, и в окружении множества красивых ребяташек, как вдруг от приятных дум ее отвлек бодрый женский голос, мигом вернув на грешную землю.

– Лизонька, здравствуй, дорогая!

Девушка от неожиданности вздрогнула, как будто ее внезапно уличили в потаенных нехороших мыслях. Она резко обернулась и торопливой походкой подошла к прилавку. Смущаясь от неловкости, суетливым движением обмахнула хозяйственной тряпкой и без того чистый прилавок и, должно быть, не зная, чем далее себя занять, принялась с натянутой улыбкой смахивать невидимые соринки с дубовой разделочной доски. Затем несколько раз с места на место бесцельно переложила широкий нож для резки колбасы и лишь тогда несмело подняла глаза, чтобы поглядеть в лицо первой покупательнице.

Это была невысокая коренастая женщина в розовой мятой шляпке, с цветастым шелковым платком, с нарочитой небрежностью обмотанным вокруг короткой шеи. Одутловатое лицо пожилой женщины было сильно напудрено, а морщинистые, жестко поджатые губы ярко накрашены в виде алого сердечка, над выемкой которого отчетливо виднелась из-под пудры темная щеточка усиков. Темно-синее платье с рукавами «фонарик», которое, по всему видно, давно уже не надевалось, тесно облегалo ее сбитую приземистую фигуру. На согнутой в локте руке, густо испятнанной коричневыми старческими родинками, женщина гордо держала плетеную из ивы небольшую корзинку. Это была жена профессора Серебрякова, домохозяйка Нина Васильевна.

– Дорогуша, – обратилась она к Лизе хриплым прокуренным голосом, внимательно оглядывая полупустые полки с товаром, – взвесьте мне, пожалуйста, двести граммов докторской колбасы, еще присокупите пару баночек кильки в томатном соусе, два коробка спичек и пачку соли. Думаю, этого хватит... Знаете ли, как-то трудно сейчас с деньгами... даже профессорской семье. Лизонька, вы меня, надеюсь, понимаете, как никто другой. Кстати, папа не пишет? Как он там, на фронте?

– Папа... уже не напишет, – тихо ответила Лиза и ее расторопные до этого движения замедлились; она протяжно всхлипнула и, торопливо подтянув пальцами воротник халата к лицу, промокнула мокрые глаза. – Немного он не дожил до нашей победы...

– Прости, дорогая, я не знала. Ради бога. – Женщина с виноватым видом приложила руку к своей пышной груди. – Мои соболезнования...

По худощавому лицу Лизы пробежала похожая на улыбку судорога. Она опустила глаза, покусывая губы, завернула колбасу в серую плотную бумагу, и все так же, не поднимая глаз, подала покупательнице.

– Пожалуйста.

– Спасибо, дорогуша.

Женщина аккуратно сложила купленный товар в корзинку, вновь повесила ее на согнутую руку и медленно пошла от прилавка.

Из-под опущенных ресниц Лиза видела ее толстые ноги с деформированными шишками у больших пальцев, обутые в растоптанные сандалеты. Они еще не перешагнули порог магазина, как появилась другая пара ног. Они, по всему видно, принадлежали очень стройной и высокой молодой женщине, потому что нижняя кромка платья заканчивалась выше круглых коленей, а икры ног были узкие, плотно обтянутые тонкими ажурными чулками. Дробно стуча каблуками модных туфель, красивые ноги приблизились к прилавку.

– Девушка, – услышала Лиза приятный голос новой покупательницы и, заранее доброжелательно улыбаясь, подняла глаза. Увидев до ужаса знакомое холеное лицо, она заворуженно уставилась на него немигающим испуганным взглядом, словно у нее тотчас парализовало силу воли, сделала судорожно-глотательное движение и едва слышно произнесла:

– Оберауфсехерин...

\* \* \*

Разомлевшая дворничиха сидела за столом и попивала чай, бережно держа блюдце на растопыренных пальцах. Ее очерствелые от повседневной работы кончики пальцев совсем не чувствовали крутой кипяток, которым она привычно заваривала обыкновенный иван-чай из-за отсутствия настоящей заварки. Доставшееся от покойной матери блюдце с золотистой каемкой было настолько древнее, что его испещренная темными трещинами поверхность была похожа на ажурную паутину. Баба Мотя очень дорожила блюдцем как памятью о погибшей под авианалетом матери и относилась к блюдцу с почтением, словно к одушевленному предмету, и даже не раз ловила себя на том, что мысленно с ним разговаривает.

– Полундра! – вдруг раздался за спиной женщины громкий мужской голос и резко оборвался, потому что его носитель тотчас принялся надрывно кашлять, с жутким свистящим хрипом выпуская воздух из простреленных легких.

Это выполз из своего тесного, провонявшего мочой и потом кубрика, сосед бабы Моти, безногий инвалид Вася – морская душа, привычно страдавший от сильного похмелья. Прислонившись широкой спиной в грязной тельняшке к дверному косяку, он вздрагивал своим обрубком мускулистого тела, неистово мотал головой, размахивал седым, мокрым от пота длинным чубом, страшно скрипел зубами до крошева во рту. Немного поутихнув, бывший матрос с катера «Неустршимый» вытер подолом тельняшки окровавленные губы и безмятежно улыбнулся, заметив сидевшую за столом пожилую соседку.

Ловко опираясь на костяшки крепко сжатых в кулаки пальцев, он проворными движениями, схожими с движениями орангутангов, приблизился к женщине. Снизу заглядывая в ее глаза, умоляющим голосом, в котором угадывалась невыносимая скорбь, жалость ко всей своей испоганенной войной жизни, беспросветная мука, ждущая его еще впереди, попросил:

– Баба Мотя, дай выпить. Я же знаю, что у тебя есть. Знаю, что сейчас скажешь, что ты ее блюдешь для настойки. Не дай подохнуть... боевому краснофлотцу. А я тебе потом отработаю... Я же сапожник, каких поискать.

– Василий, – болезненно морщась, по-доброму, с душевной теплотой в голосе ответила сердобольная женщина, – бросай ты пить. Как сына прошу... Ты же молодой еще... У тебя вся жизнь...

– Не надо, баба Мотя, – скривил он исхудавшее лицо со впалыми давно небритыми щеками и вдруг горько заплакал, как маленький, выдувая изо рта слюнявые пузыри, размазывая ладонью с отсутствующим мизинцем по лицу обильные слезы, – ничего не говори. Нет у меня теперь жизни... Нет! – громко выкрикнул он и со всей силы ударил по полу кулаком. – Кончилась моя жизнь, на фронте она осталась. А теперь я только существую... как старый никому не нужный лапоть.

– Василий, не надо так убиваться, – принялась привычно успокаивать расквасившегося фронтовика женщина, поглаживая свободной рукой по его мослаковатому плечу, украшенному синей наколкой морского флага и якоря, – не надо отчаиваться. У Лизки вон отца вообще убили...

– Да лучше бы меня убили, чем жить... самоваром! – воскликнул несчастный Василий. – Все равно горевать по мне некому. Брат с отцом погибли, мать фашисты повесили за связь с партизанами, сеструху изнасиловали, а потом тоже застрелили. Один я остался! Один как перст!

В этот не самый подходящий момент внезапно и донесся снизу, где находилось помещение магазина, истошный пронзительный визг, полный ужаса и отчаяния.

Такого звука не выдержал даже много чего повидавший фронтовик Вася – морская душа; он поспешно зажал уши ладонями и истоиво замотал головой, вновь заскрипев желтыми здоровыми зубами, которых еще не успели коснуться кариес и авитаминозное разрушение.

– Что такое? – заполошно вскричала баба Мотя, от неожиданности выронив из ослабевших пальцев драгоценное для души блюдо. – Никак Лизка кричит?!

Дворничиха умом понимала, что надо было бы незамедлительно спуститься вниз, посмотреть, что там происходит, но ноги вдруг отказались подчиняться. Она только и смогла, что молча наблюдать ошалелыми от страха глазами, как, кувыркаясь в воздухе, расплескивая по сторонам чай, будто в замедленной съемке, падало блюдо. Оно без единого звука ударилось о пол и все так же, не издав ни малейшего шума, разлетелось на множество острых осколков.

И только тут в груди у дворничихи чувствительно екнуло сердце, которое как будто все это время не работало, и женщина вдруг ощутила в ногах достаточную силу, чтобы проворно вскочить с табурета. Она ловко, совсем не ожидая от себя подобной прыти, перепрыгнула через сидевшего на полу в скрюченной позе Василия и побежала вниз, держась за поручень.

Вбежав с улицы в магазин, баба Мотя застыла в дверях, даже не переступив порога. Вытащенными от ужаса глазами она разом охватила залитое кровью помещение, ноги ослабли. Содрогааясь от увиденного, женщина вцепилась в дверную ручку, чтобы не упасть.

Со своего места баба Мотя объемно, словно в фокусе, видела лежавшую за прилавком в луже крови Лизу. У девушки было настолько сильно разбито лицо, что ее невозможно было узнать, а выбившиеся из-под платка пышные волосы, окровавленными косматыми охвостьями были разбросаны по полу вокруг алой от крови головы. Перед самой смертью Лиза, очевидно в предсмертных муках, крепко царапала пол, потому что под сломанными ногтями вытянутых рук сохранилась краска. Полы рабочего халата при падении юной продавщицы завернулись, бесстыдно выставив на обозрение ее тонкие лодыжки с синими прожилками вен. Но страшнее всего было видеть в ее еще не сформировавшейся груди воткнутый по самую рукоятку широкий кухонный нож.

Посреди зала, неловко подвернув под себя правую руку, навалившись боком на опрокинутую кошелку с товаром, лежала знакомая покупательница, жена профессора Серебрякова. Она, по всему видно, была забита разделочной доской, потому что окровавленная доска валялась неподалеку от разбитой головы, а левый выбитый глаз висел на белой лицевой мышце возле оторванного уха.

И над всей этой ужасной кровавой картиной, как маятник метронома, медленно раскачивалась под потолком на длинном проводе засиженная мухами пыльная слабая двенадцативольтная лампочка.

Лицо бабы Моти в короткий миг сделалось бледным как мел, и она трясущимися синими, словно у утопленника губами дико заголосила:

– Убили-или-и! Людей добрых убили-или-и!

## Глава 2

– Илюша! Илюша-а! – сквозь непрерывный шорох дождя за окном вдруг коснулся чуткого слуха Журавлева ласковый материнский голос, как будто она звала его из далекого детства. Приятный, с придыханием родной голос мягко обволакивал сонное сознание, хотелось слушать его бесконечно, вместо того чтобы проснуться. Илья противился этому изо всех сил: перекачивал потную голову по подушке, комкал пальцами байковое одеяло, шевелил ступнями больших ног и вслух бормотал:

– Не сейчас, мам, не сейчас...

Но вдруг в какой-то момент он осознал, что матери неоткуда взяться в его сне, связанном с фронтовыми событиями, и мигом проснулся, неестественно широко распахнув потемневшие глаза, в которых застыл холодный испуг за жизнь близкого человека. Шумно дыша, вздымая взмокнувшую грудь под одеялом, Журавлев некоторое время тупо смотрел в беленый потолок, где шевелилась тень от занавески, слегка раскачиваемой ветром, залетавшим в открытую форточку.

– Илюша! Илюша-а! – вновь донесся из-за двери негромкий голос его хозяйки Серафимы Никаноровны, у которой он уже два месяца снимал комнату. Затем с той стороны раздался деликатный стук костяшкой согнутого указательного пальца. – С тобой все в порядке?

Журавлев догадался, что он опять во сне кричал, и неприятное чувство незримой когтистой лапой царапнуло его и без того беспокойное сердце; он болезненно поморщился, сиплым спросонок голосом отозвался:

– Все хорошо. Не беспокойтесь.

Серафима Никаноровна еще какое-то время постояла за дверью, искренне переживая за здоровье постояльца, и, тихо шаркая по полу тапками, вернулась в свою комнату.

Этот страшный по своему значению сон настойчиво преследует Илью вот уже на протяжении года. Особенно он мучает парня в те дни, когда наступают затяжные дожди. Ему снится все время одно и то же: как будто Илья в одиночку уходит за линию фронта, чтобы раздобыть важного «языка».

В кромешной тьме, под проливным дождем, по раскисшему бездорожью ему приходится то брести по колено, то ползти по грудь в грязи, ориентируясь на незнакомой местности при всполохах синих молний, на секунду отмечая для себя запоминающийся предмет, до которого надлежит добраться, потом выискивать следующий ориентир. И таким способом Илья, в конце концов, упорно добирается до нужного места, коим является кишачая фашистами землянка в лесу. По непонятному стечению обстоятельств в ней как раз и находится самый главный гитлеровец, которого необходимо взять в качестве важного «языка» и доставить в распоряжение своих войск.

Журавлев с диким криком: «Смерть фашистским оккупантам!» врывается в землянку, расстреливает почти всю охрану, но в последний момент у него заканчиваются патроны в ППШ и его берут в плен. Немцы, донельзя злые на русского разведчика за то, что он убил много их товарищей, посоветовавшись, решают его казнить мучительным способом: распять на стене землянки, как в свое время распяли Иисуса Христа.

Настоящий патриот своей Советской Родины гвардии лейтенант Илья Журавлев мужественно, без единого стога, вытерпел невыносимую боль, когда враги строительными гвоздями прибавали руки, затем ноги к бревнам, но не смог стойко выдержать, когда шомполом от винтовки проткнули его горячее сердце. В этом месте он всегда громко стонал, звучно скрежетал зубами, а один раз даже сильно прикусил себе кончик языка...

Ходики на стене показывали раннее утро. Илья мог еще немного поспать до службы, но побоялся, что, заснув, вновь разбудит своими заполошными криками тихую и добрую старушку.

Зевая и потягиваясь, чувствуя во всем теле болезненную ломоту, будто над ним и вправду всю ночь измывались фашисты, он осторожно опустил мускулистые ноги на теплый половик. Сидя на кровати в семейных черных трусах и светлой майке-алкоголичке, он с минуту с наслаждением шевелил вспотевшими пальцами своих широких ступней, затем взял с прикроватной тумбы папиросы, коробок спичек и, стараясь не скрипеть рассохшимися половицами, на цыпочках подошел к окну. Распахнув настежь оконную створку, Илья с нетерпеливым желанием закурил, затем облокотился на подоконник. Прислушиваясь к стуку дождя по жестяному карнизу, он в очередной раз принялся усиленно размышлять о значении увиденного им кошмарного сна, зная по опыту, что в жизни все должно иметь свое объяснение. Но так конкретно ни к чему и не придя, он своим мужицким простым разумением решил, что такие сны ни к чему хорошему, по определению, привести не могут, и надо быть готовым к любым жизненным катаклизмам...

Дождь понемногу утих, лишь с тополиных листьев продолжали время от времени срываться тяжелые капли. Свежий воздух немного остудил взмокшую от пота голову Ильи, он щелчком отправил окурок далеко за окно и стал собираться на службу. Облачившись в новенькую милицейскую форму, Журавлев вышел из комнаты. Когда он проходил в коридоре мимо старенького трюмо, все же не утерпел, чтобы мимоходом не взглянуть на себя в зеркало: оттуда на него смотрел щеголеватый высокий парень в звании лейтенанта и в фуражке василькового цвета с краповым околышем, ловко перетянутый португеей с кобурой на правом боку. Илья хоть и носил на фронте четыре года военную форму, к своей новой должности оперативного сотрудника отдела по борьбе с бандитизмом Тамбовского УНКВД еще не совсем привык и чувствовал себя немного неловко.

– Илюша, – окликнула его в приоткрытую дверь Серафима Никаноровна, которая, оказывается, не спала, переживая за своего постояльца, что он на весь день уходит голодный, а то часто бывает и на несколько суток, – ты бы хоть чаю попил!

– На работе поем, – отозвался Илья, благодарный за проявленную заботу старушке, потерявшей на фронте единственного сына, и уточнил: – В столовой!

Он коротким жестом приложил ребро ладони вертикально к носу, чтобы сориентировать кокарду на фуражке строго посередине, важно вышел из квартиры. Очутившись на лестничной площадке, Илья без посторонних глаз мигом преобразился, по-мальчишечьи ловко съехав на ягодицах по перилам. А когда вышел из подъезда, он опять выглядел солидно, как и подобает сотруднику столь серьезного учреждения.

Миновав уверенными шагами заросший сиренью и черемухой тесный двор, Илья вскоре оказался на пустынной улице с мокрым от дождя выщербленным асфальтом. В многочисленных мелких лужах отражались плывущие в небе облака, набегавший изредка легкий ветерок гнал мелкую рябь. И хоть торопиться было некуда, Илья шагал размашисто быстро, с интересом поглядывая по сторонам, как будто впервые находился в столь ранний час на улице после обильного дождя. Стайка воробьев, звонко чирикавая, дружно перелетала с места на место по мере того, как он к ним приближался.

Внезапно брызнувшие из-за действующей церкви архистратига Михаила Архангела розовые солнечные лучи осветили вдалеке нежную фиолетовую дымку, на фоне которой вспыхнула необычайно яркая радуга, играя всеми насыщенными цветами, словно переливаясь.

Журавлеву пора было сворачивать в проулок, где находилось Управление. Однако пропустить столь красочное явление природы он не смог по своей любознательной натуре, на минуту приостановился полюбоваться. Воздух нагревался, и радуга стала понемногу исчезать, опадая вниз мириадами невидимых дождевых капель.

«Надо же! – сокрушенно мотнул головой Илья, с неподдельным удивлением наблюдая за необыкновенной картиной, и его по-юношески алые губы тронула довольная улыбка. – Вот и не верь после такого во всемогущего Бога».

Только он так подумал, как прямо на его глазах произошло новое явление, которое в один момент перечеркнуло только что виденное им чудо: чугунная решетка, закрывавшая узкое и продолговатое, похожее на бойницу окно церковного придела, внезапно отодвинулась в сторону, и оттуда высунулась голова с нахлобученной по самые уши серой кепкой. На лице человека борода отсутствовала напрочь, как не должно быть у людей, проповедующих религиозный культ, впрочем, никакие попы не имели привычки лазить к себе в церкви через окна, и по всему выходило, что это был самый настоящий вор.

Чтобы не спугнуть парня, Илья стремительно прижался к стене дома, возле которого находился, и не зря, потому что тотчас раздался негромкий свист, очень похожий на тот, которые издают иволги в лесу: «Фтиу-лиу!» Через секунду из кустов акации напротив появился другой человек, быстро огляделся по сторонам и проворно подскочил к окну. Воры о чем-то вполголоса переговорили, и тот, который находился внутри церкви, втянул голову внутрь, будто черепаха в свой панцирь.

Вскоре в узком отверстии между решеткой и стеной показался объемистый узел, ослепительно блестящий на солнце. Илья хоть и находился на порядочном расстоянии, без труда определил, что это расшитое золотыми нитками поповское одеяние, в котором они обычно проводят религиозные обряды. Узел, по всему видно, набитый церковной утварью, не пролезал, и находившийся снаружи парень принялся изо всей силы тянуть его на себя, упиравшись подошвой кирзового сапога в кирпичную кладку. Другой, должно быть, изнутри помогал, выталкивая узел двумя руками. В какой-то момент материя, зацепившись за торчащий из стены металлический крюк, порвалась, и на землю с тонким пронзительным звоном посыпались золотые вещи. Они сияли нежным медовым светом в лучах солнца, полыхавшего в полнеба желтым огнем выглянувшего из-за высокого, с православным крестом золоченого купола церкви.

– Ну что за бл... во, – неосторожно выругался вор на улице. – Век воли не видать!

Он торопливо присел на корточки и принялся проворно подбирать золотую утварь опять в узел.

– Винт, чичас подмогу, – обнадежил его второй вор хриплым, сдавленным голосом, протискиваясь сквозь тесную щель. С превеликим трудом ему удалось выбраться наружу по пояс, и тут он неожиданно застрял, очевидно, зацепившись штаниной за что-то внутри. Несколько раз напрасно подергав ногой, он взвыл от безнадежности: – Курва! Падла!

«Пора», – решил Илья, поспешно выхватил из кобуры пистолет и с оглушающим криком: «Ни с места! Уголовный розыск!» – побежал в их сторону. Он бухал в асфальт каблуками сапог так, что стоявшая до этого робкая тишина как будто взорвалась раскатистым эхом, многократно отражаясь от серых стен четырехэтажных домов, а густо усеявшие колокольню голуби с испуганным шумом сорвались с насиженных мест, поднялись очень высоко в небо и стали кружить там сизой тучкой, боясь возвращаться.

Воры, по всему видно, уже решившие, что у них и сегодня удачно «выгорело» с кражей из очередной церкви, от неожиданности растерялись. Продолжая все так же сидеть на корточках, парень вскинул голову в небрежно сдвинутой по-блатному на бок кепке, ошалело выпучил глаза при виде приближающегося к ним милиционера, устрашающе размахивающего пистолетом. Очевидно, не имея сил расстаться с наворованными золотыми предметами, он какое-то время неподвижно сидел, как будто находился в прострации, а потом вдруг с лихорадочной поспешностью схватил золотой кубок для причастия и, низко пригибаясь, заранее петляя, чтобы не угодить под пулю, резво побежал к спасительным кустам акации.

– Стой, гад! – закричал Илья, сильно переживая, что преступник скроется. – Кому говорю, стой, стрелять буду!

Он остановился сам, широко расставил ноги; держа двумя руками пистолет, жмуря правый глаз, долго целился, потом предплечьем вытер заливавшие потом глаза и вновь повел стволом, стараясь взять на мушку чуть повыше мелькавших подошв сапог, подбитых металлическими набойками, как у немецких солдат. Мягким нажатием пальца Илья аккуратно спустил курок, сухо треснул выстрел: парень сделал по инерции несколько заплетающихся быстрых шагов и упал в траву. Затем вскочил и, подволакивая раненую ногу, торопливо пошел вглубь кустов, держась за ветки.

«В ногу попал, – мелькнула обнадеживающая мысль, и Журавлев надал ходу. – Теперь ты точно никуда не уйдешь».

Пробегая мимо застрявшего в решетке другого вора, который лихорадочно извивался большим червяком, стараясь выбраться из западни, Илья на ходу с силой ударил его рукояткой пистолета по голове, на время прекратив его дальнейшие напрасные телодвижения. Парень сразу как-то обмяк, горестно поникнув головой, безвольно свесил руки вдоль церковной стены.

– Никуда не уходи, – мимоходом предупредил Илья. – Я скоро вернусь.

Он с ходу ворвался в кусты; то и дело, отклоняя от лица ветки, оступаясь в невидимые в траве неглубокие ямки, быстро пошел вперед, настороженно прислушиваясь к посторонним шорохам. В листве звонко пели птицы, с мокрых листьев стекали остатки дождевой воды, попадали за шиворот. Внезапно Илья услышал, как под ногами преступника хрустнула ветка, и тотчас замер на месте. Привыкший интуитивно, как разведчик, отмечать все, что происходит вокруг, он явственно почувствовал, что за ним наблюдают чужие враждебные глаза, даже услышал тяжелое дыхание врага и напрягся.

Человек, по всему видно, тоже догадался, что его обнаружили. Понимая, что с раненой ногой ему скрыться не удастся, он вынул из-за голенища сапога, в котором хлюпала горячая кровь, острую бандитскую финку с наборной плексигласовой ручкой. Крепко зажав ее в руке, с силой оттолкнулся здоровой ногой от низенького пня, чтобы придать своему плюгавенькому телу наибольшую скорость и мощь, стремительным рывком кинулся на милиционера.

– Замочу суку! – злобно выкрикнул он, стараясь поразить Илью в грудь, тяжело вздымавшуюся от быстрого бега. – На перо насажу легавого!

Ловко выбив у него острозаточенную финку, Журавлев сбоку подошвой сапога безжалостно ударил парня по раненой ноге в то место, где находилось отверстие от пули, откуда продолжала фонтанчиком бить алая кровь. Бандит как подкошенный упал на бок; озлобленно скаля от боли черные от чифирия зубы, схватился за ногу и принялся кататься по мокрой траве.

– Поднимайся! – сурово распорядился Илья и рывком приподнял его за шиворот пропитавшегося дождевой водой старенького пиджака. – На шконке еще успеешь належаться! Пошел, гад!

Не обращая внимания на раненую ногу преступника, причинявшую ему нестерпимую боль, Журавлев бесцеремонно поволок парня на открытую местность. К этому времени очнулся и второй вор. Пользуясь тем, что милиционер все еще отсутствует, он попытался побыстрому освободиться и сбежать. Располозовав вдоль штанину и до крови расцарапав штырем бедро, парень кое-как смог выбраться наружу, но подвела профессиональная жадность. Не отрывая алчно вспыхнувших глаз от разбросанных сокровищ, вор стал на колени и принялся с лихорадочной поспешностью хватать и запихивать церковную утварь за пазуху. В очередной раз схватив золотой крест с толстой цепью, он вдруг почувствовал что на его кисть с синими наколками тяжело наступил каблук кирзового сапога. Вздвогнув от неожиданности, морщась от острой боли, парень медленно поднял глаза.

– Выкладывай назад, – потребовал суровым голосом Илья и, чтобы придать своим словам более весомое содержание, надавил каблуком сильнее.

– Ага, – торопливо кивнул бандит, и судорожным движением свободной руки вытянул подол рубашки из брюк, со звоном высыпав содержимое на асфальт.

– А теперь ремень вынимай, – вновь потребовал Илья.

– Чиво-о? – по-блатному растягивая слова, спросил бандит, затравленно бегая глазами по сторонам, все же стараясь казаться независимым.

– Ремень вынимай, – повторил Журавлев и, приставив холодный ствол пистолета недогадливому парню к затылку, убрал ногу с его руки, на которой поверх наколотой в лагере надписи «она фартовая» отчетливо отпечатался грязный ребристый след от каблука.

Испуганно поглядывая на милиционера, парень быстро вытянул из брюк кожаный ремень, протянул Илье.

– Пользуйтесь на доброе здоровье, – произнес он прыгающими от волнения губами, найдя в себе силы пошутить. – Мне для родной милиции ничего не жалко...

– Не юродствуй, – оборвал его Илья, грозно сдвинул брови и носком сапога небрежно подвинул ему порванный, испачканный в грязи вышитый золотыми нитками стихарь. – А теперь бери поповский макинтош и собирай в него все, что вы тут с подельником успели вынести. Да не вздумай сбежать. Человек я нервный после войны, застрелю и не охну. Уяснил мою мысль?

– Угу, – парень испуганно боднул головой воздух, без промедления принялся складывать в церковный стихарь золотую утварь.

Илья тем временем перевязал ремнем ногу раненому бандиту, чтобы он не истек кровью.

– Поднимайся, – приказал Журавлев парню, потом перевел грозный взгляд на его приятеля, который проворно собрал вещи в тугой узел, и теперь с безучастным видом сидел прямо на асфальте, облокотившись на колени, равнодушно наблюдая за действиями милиционера. – Ты тоже поднимайся, – приказал ему Илья. – Поведешь своего подельника, а то ему с простреленной ногой трудно самому ходить. Будешь ему вместо сестры милосердия, – беззлобно хохотнул он, зная, как к подобным вещам относятся бывалые уголовники.

Здоровый бандит с видимой неохотой стал подниматься, но подстегнутый грозным окриком милиционера, поспешно вскочил, затем помог подняться своему приятелю, с отвращением перекинул его руку через свое плечо.

Журавлев закинул увесистый узел себе за спину, повел стволом пистолета в сторону Управления НКВД и сказал уже без всякого шутиwego настроения:

– Давайте ворюги, топайте. Да не вздумайте по дороге какой-нибудь финт выкинуть, обоих пристрелю.

Подельники в обнимку медленно двинулись вдоль улицы. Один из них неловко волочил ногу в окровавленном сапоге, второй обнимал его одной рукой за талию, а другой поддерживал собственные брюки, которые без ремня постоянно сползали. Конвоирующий бандитов милиционер время от времени подгонял их ободряющими окриками:

– Не рас-слаб-ля-ем-ся! Шире ша-аг!

В какой-то момент Илья даже хотел придать им дополнительной скорости, поддать под зад коленом, да постеснялся немногочисленных прохожих, которые стали потихоньку заполнять безлюдную до этого улицу. Проявляя свойственное всем людям нездоровое любопытство, они невольно останавливались и с нескрываемым интересом долго провожали взглядами необычного вида группу из трех человек.

А одна согбенная ветхая старушка с клюкой, едва бредущая навстречу, – очевидно направлявшаяся к утренней службе в только что обворованную церковь, – даже приличия ради не стала уступать мошенникам дорогу, а встала на пути их прямо посреди улицы и, глядя злыми глазами на парней, с негодованием пробурчала:

– Ничего святого в нелюдях не осталось. Ишь, дьяволы, церковь принялись грабить.

Она пожевала ввалившимся беззубым ртом, собирая во рту побольше слюны, и смачно плюнула им в след. Но и этого оскорбленной в своих религиозных чувствах старухе показалось недостаточно. Она неожиданно по-молодому проворно догнала бандитов и со всей своей старческой мощи огрела ближайшего к себе парня, который и без того был наказан ранением в ногу, отполированной ладонями клюкой по спине.

– Чтоб вам сгореть в аду, паразитам! – выкрикнула старуха и отправилась дальше, донельзя умиротворенная своими праведными делами во имя Господне.

Посмеиваясь про себя над ее неожиданным поступком, всецело его одобряя, Илья до самого Управления находился в веселом настроении. Он даже не расстроился, когда дежуривший в тот день сержант Соколов, увидев его с узлом за спиной, от души расхохотался. А вот непосредственный начальник Ильи Журавлева, старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Клим Орлов, его несказанно удивил.

Как раз в это время он возвращался в отдел от генерал-майора и на минуту заглянул в дежурную часть, чтобы прихватить сводки о совершенных за ночь преступлениях. При виде матерых уголовников, которых уже с полгода разыскивали ребята из пятого отдела за неоднократные кражи из церквей области, Орлов слегка был обескуражен тем, что его новый сотрудник, еще не совсем освоившийся в сыском деле, сумел в одиночку задержать опытных воров.

– Винт, – с напускной радостью вскричал Орлов, неожиданно встретив своего старого знакомого вора-домушника, – какими судьбами тебя в наше ведомство занесло?!

– Да вот мимо церкви проходил, начальник, – подобострастно залепетал Винт и, несмотря на невыносимо ноющую рану в ноге, невольно расплылся в улыбке от того, что уважаемый в криминальных структурах Орлов его сразу узнал, – а тут ваш легав... сотрудник вдруг появился и меня за компанию прихватил. Да еще пальнул в меня... в законопослушного гражданина. Теперь вот испытываю неоправданные муки, – он страдальчески сморщился и указал на кровотокающую дырку в голенище сапога.

– Ты мне тут Лазаря не пой, – грубо осадил его Орлов. – Таких корешей, как вы со своим подельником, я за версту чувствую. Соколов, распорядись, чтобы их в пятый отдел доставили, у следователя Муховцева на них о-очень острый зуб имеется. Я бы сказал, прямо клык.

– Прощевай, начальник, – жалостливым голосом пробормотал Винт, вероятно надеясь на снисхождение, когда его с дружкой повели по коридору два милиционера из конвойной роты.

– Скатертью дорога! – с усмешкой ответил Орлов и вновь язвительно хохотнул: – Пиши покаянные письма, Винт!

Проводив веселыми глазами «спалившихся» воров, Клим перевел свой посерьезневший взгляд на Илью. Он долгим внимательным взглядом в упор рассматривал Журавлева, и по его озабоченному задумчивому лицу было понятно, что в голове у Орлова происходит мучительный мыслительный процесс и он никак не может прийти к однозначному ответу.

Наконец, Клим энергично мотнул породистой головой, как видно, напрочь отгоняя всякие сомнения, по-отечески приобнял Илью и обратился к нему уже вполне спокойным, уверенным голосом, сказав как о твердом решенном:

– Пошли в отдел, дело у меня до тебя очень важное имеется.

Это было сказано таким тоном, что Журавлев сразу понял, что разговор действительно предстоит очень серьезный, и невольно подобрался не только внешне, но и внутренне. С беспокойством искоса поглядывая на Клима, лицо которого, и без того мужественное, стало выглядеть совсем монументальным, как у памятника Ленину на центральной площади, Илья направился с ним в отдел, чувствуя его подрагивающую от волнения руку на своем плече.

В крошечном помещении держался устойчивый запах лежалых бумаг и пыли, а еще стоял едва уловимый, с острой перчинкой аромат мужского одеколона, которым пользовались все сотрудники после бритья. Сейчас здесь никого не было, и они удобно расположились на продавленном диване, кожа которого сильно полопалась и вытерлась от старости.

– Илья, – чуть помедлив, начал негромко, с душевной теплотой в голосе говорить Орлов, не убирая свою руку с его плеча, – из МУРа, от Копылова, ты его знаешь по прошлой совместной работе по ликвидации у нас банды Филина, пришла телефонограмма в срочном порядке откомандировать в их распоряжение из нашего отдела одного человека для особо ответственного задания. Мы с генералом обсудили несколько кандидатур и остановились было на Василии Федорове, который с людьми сходится легко... да и в халатном отношении к работе ни разу не был замечен. Но сегодня, честно говоря, ты меня сильно удивил, что сумел один взять этих двух отморозков. Поэтому буду ходатайствовать перед генералом, чтобы в Москву отправить тебя.

Так что иди домой и готовься отбыть вечерним поездом в столицу нашей Родины. Переоденься в военную форму, в которой ты вернулся с фронта. Награды оставь у меня в сейфе... Через час-полтора можешь получить командировочное удостоверение и командировочные деньги... Проявишь себя, может, даже случиться, что в МУРе и останешься. Дослужишься до генерала, ты уж про меня не забудь, пригласи к себе замом, – пошутил Орлов, но как-то невесело, видно, и на самом деле задание предстояло сложное и очень секретное, если даже он не знал конкретно, в чем оно будет заключаться. Клим от души хлопнул Илью по спине своей крепкой ладонью, с напускной бодростью воскликнул: – Бог не выдаст, свинья не съест! Удачи тебе, Илюха!

Вот этим предложением Журавлева и удивил его начальник, почитай, побольше, чем выжившая из ума старуха, ударившая бандита клюкой по спине.

## Глава 3

Москва поразила Журавлева невероятным скоплением людей, постоянным, ни на минуту не затихающим ровным гулом, похожим на шум набегавших волн морского прибоя, различными по высоте звуками автомобильных клаксонов, частыми звонками стареньких трамваев, с дробным грохотом бегущих по своим железным путям. Во время четырехгодичного пребывания на фронте Илья, конечно, успел повидать большое количество всякого народа и много военной техники, но такого, чтобы столько людей на постоянной основе проживали в огромном городе, видеть ему еще не доводилось.

Журавлев вышел на перрон Павелецкого вокзала, поставил возле ног обтерханный фанерный чемодан с личными вещами и принялся растерянно озираться. Думать о том, что вдруг самостоятельно придется добираться до улицы Петровка, 38, где находился легендарный МУР, на метро, для него было непривычно страшно: если уж на просторе творится подобное столпотворение, то сколько же тогда народу находится в тесноте под землей. Выйдешь по своему деревенскому легкомыслию не на той станции и будешь плутать там до китайской пасхи, как бездомная побирушка.

Илья невесело усмехнулся своим пораженческим мыслям, тяжело вздохнул и, нервным движением вынув из кармана галифе пачку «Беломора», закурил. Руки от волнения потели и позорно дрожали, как у юной барышни. Приглядываясь к проходившим мимо прохожим, выискивая глазами в толпе знакомое лицо никогда не унывающего оперативника из МУРа старшего лейтенанта Леонтия Семенова, с которым не далее как два месяца назад они совместно с другими оперативниками из отдела по борьбе с бандитизмом брали жестокую банду Филина, Журавлев все же не упустил возможности доставить себе удовольствие пускать дым замысловатыми колечками, чтобы успокоить слегка расшалившиеся нервы.

– Дядь, дай денежку, – неожиданно сбоку заканючил детский жалобный голосок. – Хлебушка купить... Третий день не ем... Голодный, аж живот подвело.

Илья повернул голову, и увидел маленького оборванца, одетого в пиджак огромного размера, доходивший ему до колен, из рваных носков тряпочных ботинок торчали грязные пальцы ног. Для достоверности своих слов мальчишка придерживал одной рукой сползавшие с живота штанишки, а другую руку протягивал ему замызганной ладошкой вверх. Из-под державшегося на честном слове облезлого козырька довольно великой для его возраста кепки на Илью умоляюще смотрели синие, как небо, глаза.

– Дядь, ну дай же, – потребовал малец румяными губами, видя, что прибывший пассажир пока еще никак не возьмет в толк, как ему поступить. – Не жадничай.

Журавлев полез в карман, где он в порожнем кисете хранил мелочь, но в это самое время неожиданно объявился Леонтий Семенов, привычно одетый в гражданскую одежду – рубаху-вышиванку, поношенный пиджак и брюки в коричневую диагональную полоску, – и цепко перехватил его руку.

– Остынь, дружище, – сказал он. – Не пори горячку. Здесь этой шантрапы водится видимо-невидимо. И все они на побегушках у воров, одни отвлекают беспечных пассажиров, а другие в этот момент крадут их вещи, а то и что поценнее.

Илья быстро оглянулся: чемодан стоял на прежнем месте, и не похоже было, что его хотели украсть, а вот мальчишка-оборванец испарился, словно его здесь и не было.

– А я поверил, – немного смущенно, оттого что его, сотрудника уголовного розыска, чуть не обвели вокруг пальца, улыбнулся он. – Вот проказники.

Они крепко пожали руки, с интересом оглядывая друг друга, как будто давно не виделись, хотя пролетело всего лишь два быстротечных месяца.

– Давай обнимемся, что ли, – сказал Леонтий, – чего мы как не родные?

Они порывисто, горячо обнялись, дружески похлопывая один другого по вспотевшей спине: солнце нещадно припекало, а в затишке, где не ощущалось ни малейшего дуновения, еще и парило от нагретых стен высотных домов.

– А я уже переживать стал, что мне придется самостоятельно добираться до Петровки, – признался Илья, видя, что его приезде искренне рады и не потому, что он прибыл для особого задания, а просто по нему действительно соскучились. – Не привычный я к таким огромным городам, теряюсь.

– Ну, это ты напрасно переживал, – ответил с улыбкой Леонтий. – Вот он я, на месте. – Он крепко стукнул грубым ботинком в асфальт, тем самым как бы подтверждая истинность сказанных им слов. – Да и сам добрался бы в случае чего... не заплутал бы. Ориентироваться в метро очень удобно. Пошли, чего соловья баснями кормить.

Семенов ловко подхватил его легковесный чемодан с кое-каким бельишком и уверенно зашагал в сторону припаркованных неподалеку легковых автомобилей. Стараясь от него не отставать, Илья заторопился следом, с непривычки то и дело скромно уступая дорогу многочисленным жителям и гостям столицы, которые не обращали внимания на окружающих, с непроницаемыми лицами спешили по своим делам.

Такое поведение тамбовского гостя не осталось незамеченным востроглазым оперативником из МУРа.

– Журавлев, – весело окликнул Леонтий, на ходу обернувшись, и сверкнул на него лихими глазами, – шире шаг!

Илья смущенно улыбнулся, но скорость послушно прибавил. Он хоть и неумело лавировал среди живой людской массы, но быстро нагнал еще не успевшего далеко отойти приятеля.

– Другое дело, – одобрительно заметил Семенов и со свойственным ему неумным характером вновь не преминул беззлобно пошутить: – Теперь я за тебя могу быть спокоен. Теперь ты в Москве точно не потеряешься. Даже ни в коем случае...

Они встретились глазами и от души расхохотались.

– Умеешь ты успокоить, – отсмеявшись, проговорил Илья, сокрушенно качая головой, продолжая время от времени прыскать в кулак. – Прямо как Богородица утешительница.

За разговорами он не заметил, как они подошли к большой черной машине, выглядевшей очень солидно, совсем как правительственный лимузин. Хромированные части ярко блестели, пуская в глаза прохожих ослепительные солнечные зайчики.

Сидевший за рулем молодой водитель в форме сотрудника НКВД, в звании младшего лейтенанта, при виде Ильи проворно выбрался из салона. Четко отдав честь, он услужливо распахнул перед ним заднюю дверь, как будто лейтенант Журавлев имел звание не ниже генерала или, в крайнем случае, был важным человеком.

– Видел, как тебя встречают? – с таинственным видом поинтересовался Семенов, тая в уголках губ довольную улыбку, со стороны наблюдая за ошеломленным Ильей; затем наклонился и быстро проговорил ему в ухо, но так, чтобы водитель не слышал: – По возвращении не то еще будет. Привыкай. Но об этом молчок. – Он приложил палец к губам: – Тс-с!

Семенов, как видно, что-то знал о предстоящей операции, но говорить прежде времени не хотел или не имел права, и Илья не стал расспрашивать, лишь покосился в его сторону и молча полез в роскошный салон генеральской «Эмки».

Удобно устроившись на кожаном сиденье, он с интересом глянул в окно, потом быстро придвинулся к севшему рядом Леонтию, наклонился к нему и приглушенно спросил, немного стесняясь своих слов:

– Слышь, Семенов, а мы мимо Кремля, случайно, не будем проезжать?

– Тебе зачем? – не подумав, спросил Леонтий, с удивлением взглянув в его напрягшееся в ожидании лицо.

– Уж больно мне хотелось бы поглядеть, где сам Сталин работает, – чистосердечно признался Илья, и его щеки покрыл густой румянец. – Я ведь на Красной площади никогда не был... Да чего там, на Красной площади! Я и в Москве-то сегодня в первый раз оказался!

Семенов отчего-то смущенно завозился на месте и ответил не сразу. Задумчиво покусывая обветренные губы, он молчал, очевидно, на протяжении целой минуты, потом дружески толкнул плечо Ильи и доверительным тоном сказал:

– Братуха, извини, но сейчас нам некогда заниматься экскурсией по столице, дела у нас впереди предстоят очень важные. Вот закончим их, я тебя лично свожу на Красную площадь, в Мавзолей Ленина, одним словом, куда твоя душенька пожелает. А сейчас не могу, служба... Нас в Управлении ждут!

Он с тяжелым вздохом отвернулся, хмуро разглядывая пробежавшие за окном сталинские высотки, парки, жилые дома; все это он видел уже неоднократно, но, как видно, чувствовал за собой вину перед тамбовским гостем, что не смог в силу сложившихся обстоятельств исполнить его простое человеческое желание. Внезапно Семенов оживился, крепко вцепился рукой в предплечье расстроенного Журавлева, резко затормозил его.

– Илюха, смотри, вон между домами виднеется Спасская башня! Видишь?

Журавлев, как шаловливый мальчишка, с проворной поспешностью перелез через его колени на другую сторону салона, со счастливой улыбкой на сияющем от радости лице, посмотрел просветленными глазами на видневшуюся вдалеке остроконечную башню. Увенчанная рубиновой звездой, она смотрелась настолько величественно, что у Ильи перехватило дыхание. Солнечный свет, идущий с восточной стороны, наискось падал на звезду, казавшуюся такой маленькой отсюда, но огромную на самом деле, и зажигал ее ярким алым пламенем, как будто это горел маяк, негасимый ориентир для всех угнетенных народов.

Кремлевская Спасская башня с гигантскими часами посередине, как главный символ Советского Союза во всем мире, давно пропала из виду, а Журавлев все равно продолжал ее мысленно видеть, как если бы она все время стояла перед глазами. Сильно впечатленный увиденным, разительно отличавшимся от черно-белых фотографий в центральной газете «Правда», Илья далее ехал с тихой покойной улыбкой. Он ощущал во всем теле невероятную легкость, а в душе, широко охватившей всю его сущность, необъяснимую одухотворенность, внутренне готовый отдать свою молодую жизнь до последней капли крови за счастье трудового народа.

А потом они проезжали мимо примечательного здания Большого театра, торжественно украшенного на портике колесницей, запряженной четырьмя лихими конями, которыми правил сам Аполлон. Илья узнал театр. Он видел его на цветной открытке, которую однажды показал ему фронтовой товарищ сержант Колька Ханин. До войны тот служил в театре осветителем сцены, а как только фашисты подошли к Москве, тотчас ушел добровольцем. На фронте он бережно хранил как память дорогую его сердцу открытку: так с ней и сгинул, пропав без вести во вражеском тылу во время разведки скоротечным боем.

– Журавлев, а ты знаешь, что каждый из коней имеет свое символическое значение? – неожиданно спросил Леонтий, лукаво поглядывая на него и, как видно, желая реабилитировать себя в глазах Ильи, незамедлительно просветил: – Первого коня зовут Эритрей, он олицетворяет собой восход солнца. Второго – Эфоп, что означает «пылающий, огненный». Третьего – Ламп, это как бы означает «сияющий, сверкающий», а четвертого коня зовут Филогей, он символизирует заход солнца.

Семенов назидательно поднял вверх левый указательный палец, сильно искривленный оттого, что однажды во время захвата одного бандита тот настолько рассвирепел от перспективы быть расстрелянным, что пытался его отгрызть, как будто он был зверь, а не человек.

– Вот такие дела.

А еще Илья от него узнал о том, что 28 октября 1941 года фашистский бомбардировщик сбросил на Большой театр 500-килограммовую бомбу, которая разорвалась в вестибюле, причинив зданию значительные повреждения. Также узнал, что во время войны в сквере находилась батарея зенитных пушек, оттого он сейчас и имеет столь неухоженный вид, но в скором времени все изменится и сквер будет выглядеть прекраснее прежнего.

Пока исконный москвич Семенов, воодушевленный тем, что нашел прилежного слушателя, рассказывал об этом, а Илья, сильно пораженный его знаниями, с уважением глядел на него распахнутыми глазами, слегка приоткрыв рот, они незаметно подъехали к трехэтажному желтому зданию.

– Вот мы и прибыли, – сказал Семенов и указал своим искривленным пальцем в окно на припиленную на стене табличку «Улица Петровка, 38». – Здесь и находится наш МУР. Прошу любить и жаловать.

Дружески хлопнул Илью по плечу и первым уверенно направился к подъезду, в категоричной форме отказав Журавлеву в праве нести собственный чемодан.

– Ты у нас желанный гость, и этим все сказано.

Спорить по столь незначительному поводу было бы опрометчиво, и Илья заспешил следом за расторопным приятелем, с любопытством разглядывая приземистое здание. Чувствуя себя неуверенно в легендарных стенах, он с заметным волнением поднялся за Семеновым на второй этаж. Остановившись возле комнаты под номером 64, Леонтий радушно распахнул скрипнувшую старинными петлями дверь, громко крикнул внутрь помещения:

– Копылов, встречай гостя! – и по-хозяйски подтолкнув в спину нерешительно застывшего в дверях Илью, вполголоса промолвил: – Чего ты как неживой?!

Макар Копылов находился в кабинете один. Он сидел, низко склонившись над столом, и задумчиво жевал дужку очков, с прищуром вглядываясь в лежавший перед ним густо исписанный листок бумаги. Услышав голос Семенова, он по-петушиному стремительно вскинул лысеющую голову, быстро надел очки и сразу же заулыбался, разглядев Журавлева. Подверженный профессиональной привычке скрывать документы, Макар машинально перевернул лист обратной стороной вверх, поднялся и, радушно распахнув руки с тяжелыми лопатообразными кистями, как у деревенского кузнеца, пошел навстречу.

– Это хорошо, что тебя прислали, – сказал он, и по его доброжелательному голосу Илья даже ни на миг не засомневался, что его слова искренни. – Ты человек еще не совсем испорченный оперативной работой, поэтому характер твой пока еще открытый, будешь на спецзадании выглядеть достоверно. Тебе по большому счету и врать-то не придется. Так что в случае чего... – после этих слов, неосторожно вырвавшихся из уст Макара, он три раза демонстративно плюнул через левое плечо, – не дай бог, конечно, тебе на том свете оправдываться в своих грехах точно не придется.

Он подошел и крепко обнял Илью, коснувшись своей козлиной бородкой, как у Дзержинского, его щеки. Потом отодвинул от себя парня на вытянутые руки, как бы рассматривая его со стороны, и уже по-мужски протянул руку.

– Ну, здорово, Журавлев.

Как и в прошлый раз, когда он приезжал во главе оперативной группы в Тамбов, Илья с уважением почувствовал его крепкое рукопожатие. Да оно и неудивительно, потому что старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом капитан Макар Копылов два года подряд становился чемпионом области по самбо среди сотрудников НКВД.

– Проходи, – он приобнял напрягшегося от его слов парня за плечи и увлек к столу.

Там он заботливо усадил Илью на стул, а сам боком присел на край стола. Его лицо, минуту назад казавшееся добродушным, вдруг стало суровым, заметнее пролегли носогубные складки; Копылов нахмурился, его лохматые брови тотчас вплотную сдвинулись над переносицей – без труда можно было догадаться, что разговор предстоит серьезный.

– Значит так, Илья, – начал он говорить неторопливо, чтобы вновь прибывший оперативник, совсем еще далекий от уголовного дела, которым ему предстоит в скором времени заняться, быстро усвоил необходимые сведения. – В мае в Ярославле неизвестные преступники до смерти забили юную продавщицу из продовольственного магазина и пришедшую за покупками женщину в возрасте, супругу известного местного профессора Серебрякова. Их забили дубовой разделочной доской. А продавщицу по имени Елизавета дополнительно ударили в сердце кухонным ножом для резки продуктов.

Местная дворничиха вроде бы заметила, когда она выбегала из дома, что от магазина быстрыми шагами уходила какая-то, по ее словам, высокая расфуфыренная дамочка. Но обвинять эту молодую женщину в том, что она разыскиваемая нами преступница, мы не можем, потому что она в это время могла просто проходить мимо. Но может сложиться и так, что дамочка зашла в магазин, чтобы купить себе что-либо из продуктов, но, увидев убитых людей, быстро ретировалась, испугавшись, что станет главной подозреваемой. Но что интересно, деньги из кассы магазина не пропали, и кошелек с наличной суммой денег остался также при покупательнице.

Далее. Буквально через месяц был обнаружен труп сорокалетней женщины в туалете местного кинотеатра «Заря». Она была зверски убита чугунной урной, находившейся в коридоре. Этой урной весом в полпуда женщине раздробили голову, и ко всему этому проткнули горло чем-то острым, предположительно пилкой для ногтей или похожим на нее предметом, например, заточкой. Сразу же отвечаю на твой вопрос: вряд ли убийцей могла быть женщина. Это какой же надо обладать силой, чтобы с такой легкостью орудовать тяжелой урной. Больше похоже на то, что действовал урка. Это у них такая привычка, ходить с заточкой в кармане. И опять-таки непонятен мотив преступления; небольшая денежная сумма осталась при убитой. Правда, выдраны рубиновые серьги из ушей, но тоже дешевенькие. За них в скупке больше сотни никто не даст. Вряд ли урка пошел бы на мокрое дело из-за каких-то цацек, даже незолотых.

Илья напряженно слушал, подавшись вперед; снизу вверх заглядывал в хмурое лицо Копылова, до дрожи чувствуя себя неуютно под свинцовым тяжеловесным взглядом его холодных глаз, словно это он совершал преступления, с одобрением представляя в мыслях, что ждет настоящего преступника, когда тот найдется. В какой-то момент Макар загнулся, с трудом пытаясь сглотнуть колючий ком в горле, и Илья тотчас с готовностью молча закивал, давая понять, что слушает внимательно и можно продолжать рассказывать дальше.

Копылов напрягся, его лицо пошло бурыми пятнами; он крепко взял свою козлиную бородку в горсть, острый кадык у него дернулся, и лицо приобрело прежний землистый оттенок.

– А дальше случилось самое страшное, – заговорил он слегка охрипшим от волнения голосом. – Не прошло и недели, как в выгребной яме общественного туалета на рынке, расположенного на улице Ленина, посетительницей был случайно обнаружен труп пожилого мужчины. Если быть точным, вначале была обнаружена голова отдельно от туловища, которая плавала поверх дерьма лицом вверх, что ввело слаонервную женщину в такой ужас, что она потеряла сознание и чуть сама не угодила в отверстие. А уж потом, когда содержимое вычерпали немецкие пленные, и было найдено недостающее туловище. При осмотре выяснилось, что и этот мужчина перед тем, как ему отчленили голову, вначале был до смерти забит предположительно увесистым камнем, обломком бетонной заводской стены, развороченной во время войны взрывом авиабомбы. Камень этот, кстати, тоже нашли в выгребной яме, куда его после убийства и выкинули, чтобы скрыть следы жестокого преступления. А вот что стало орудием, с помощью которого неизвестный преступник отчленил голову, пока непонятно. Потому что шейные позвонки чем ни попадя не отделишь. Ну, об этом ты знаешь не хуже меня, сам воевал.

Копылов поднялся со стола, в волнении принялся ходить по комнате, безжалостно теребя бородку. Вскоре он вернулся к столу, оперся пальцами широких кистей на столешницу и, щуря под очками близорукие глаза, вновь заговорил, заметно сдерживая охватившее его злобное чувство к неизвестному серийному преступнику:

– У нас сложилось такое впечатление, что все эти убийства дело одних рук. Не похоже, что преступник подстерегал свои жертвы специально, а как бы случайно с ними встречался, и уже по каким-то пока не понятным нам обстоятельствам убивал тем, что в данное время оказывалось под рукой. Словно на убийцу в этот момент вдруг нападала ослепляющая ярость. А потом уж добивал... с особой жестокостью. Или просто для себя... как бы удовлетворяя свою зверскую натуру, издевался над трупами. Протыкал грудь, язык, отрезал голову. А вот покупательницу не тронул... Ну, то есть кроме того, что разбил ей голову, больше никаких уродств не причинил. Эта тетка как бы оказалась, к ее беде, не в то время и не в том месте. Но... мы проверяли, ничего общего эти три человека в своей жизни не имели. Да и возраст у них сильно разнится...

Макар со вздохом выпрямился, задумчиво пожевал свои тонкие губы, потом облизал их кончиком языка; тщательно вытерев влажные губы ладонью, он хмуро сказал:

– Ну, ты сам понимаешь, что это помимо того, что творится в Ярославле каждый день... ограбления, воровство, разбои, изнасилования... На фоне всех этих преступлений местный ОББ завел уголовное дело на банду, практикующую ограбления квартир эвакуированных граждан. В последнее время бандиты как будто с цепи сорвались... должно быть, почуяли, что скоро хозяева вернуться. Вот и пытаются побольше урвать, пока имеется такая возможность. Но это так, к слову, чтобы более понятна стала характерная послевоенная обстановка в городе. Впрочем, такая напряженная обстановка сейчас наблюдается повсеместно, какой крупный город ни возьми.

Копылов по-отечески положил свои тяжелые ладони на плечи Журавлева, который тотчас сделал слабую попытку подняться со стула, но под нажимом сильных рук Макара покорно остался сидеть на месте.

– А теперь, Илья, слушай меня очень внимательно. Ты человек в органах новый, еще не успел пропитаться милицейским духом, который отпетые уголовники чувствуют издали. По характеру, по поведению ты ничем не отличаешься от обычного фронтовика. Веди себя и дальше так же естественно, как вел себя прежде.

Он замолчал, сверху разглядывая молодое, но уже с горестными складками в уголках обветренных губ худощавое лицо, тонкие паутинки морщин, собравшихся возле пронзительно темно-синих глаз, прихваченные, словно легкой изморозью, седеющие виски. Болезненно поморщившись от сознания того, что парню в его юные годы пришлось много пережить, глухим голосом с заметной хрипотцой проговорил:

– Тебе, Илья, требуется самостоятельно внедриться в одну из банд Ярославля. Легенда такая: ты приехал из тамбовского села на механический завод устраиваться на работу. Причина того, что ты сбежал из дома, заключается в том, что твой двоюродный брат Герой Советского Союза Филимонов оказался главарем банды. И теперь тебе на родине нет покоя от бдительных граждан сельчан, которые тебя презирают и относятся с предубеждением. Одним словом, жизнь там стала невыносима, и ты сбежал в другую область искать лучшей доли. Потому как прошел всю войну и достоин лучшего к себе отношения. Но если появится возможность жить припеваючи, не работая, ты, в общем-то, против этого ничего не имеешь. Мысль понятная?

Илья с готовностью кивнул, не сводя внимательного взгляда с увеличенных линзами очков глаз Копылова, вопросительно смотревших на него в упор.

– Будь очень осторожен, есть предположение, что в местном Управлении НКВД кто-то из сотрудников связан с бандой. С тобой на связь будет выходить Семенов.

Макар мельком взглянул на Леонтия, сидевшего рядом. Оседлав стул верхом, облокотившись на его спинку, тот с молчаливой сосредоточенностью прислушивался к разговору.

– Семенов у нас входит в местную группу по расследованию серии убийств. Немного позже он тебе более детально обо всем расскажет. Ближе к развязке к расследованию непосредственно подключимся мы с Игнатом Мачехиным. Ты его тоже знаешь. – Копылов ладонью вытер взмокший от долгого разговора лоб, усталым голосом обратился к Леонтию: – Семенов, введи его в курс дела... И чтоб комар носа не подточил. – Он несильно похлопал Илью по плечу, как бы напутствуя его на предстоящую операцию, которая должна, по его искреннему убеждению, завершиться благополучным образом.

## Глава 4

Георгий Веретенников по прозвищу Жорик-Веретено и его закадычный корефан, известный в криминальных кругах по кличке Лиходей (что для законопослушных граждан было равносильно человеку особо опасному), а в миру имевший самое обычное безобидное имя Коля Коноплев, уже битых четыре часа безрезультатно околачивались на вокзале. Они стояли у двери и каждого вышедшего из зала пассажира незаметно провожали пристальными взглядами, стараясь определить среди них залетного простака, которого без труда можно развести на «башли» или разжиться у него более-менее ценным барахлишком.

Веретено стоял, с беззаботным видом привалившись плечом к серой стене мрачного приземистого здания, форсисто скрестив ноги в желтых штиблетах, и с беспечной ловкостью закидывал в обшлюявленный губастый рот жареные семечки; звучно разгрызал их и бесцеремонно сплевывал шелуху перед собой на асфальт. Образовывавшуюся под ногами шуршащую кучу он время от времени небрежно раздвигал носком штиблета, словно выставлял его напоказ, красуясь перед проходившими мимо пассажирками.

Из-за столь вызывающе наглого поведения у него полчаса назад произошел небольшой инцидент с пожилой дворничихой, которая по своей женской аккуратности легкомысленно решила парня по-человечески пристыдить.

– Ты не борзей, карга, – с пренебрежительной ухмылкой ответил Веретено и демонстративно сплюнул вязкую слюну на асфальт. – Не то твои мягкие булки мигом почикаю.

И чтобы рассеять у чистоплотной дворничихи всякие сомнения относительно того, что он не шутит, устрашающе показал ей из-под полы пиджака острый выкидной нож.

– Цыц, мымра!

Проворно подхватив ведро для мусора и березовую метлу, женщина поспешно ушла, поминутно с испугом оглядываясь на дурковатого парня.

Лиходей, стоявший неподалеку с независимо засунутыми в карманы брюк руками и куривший папиросу, нервно гоняя ее языком с одного уголка рта в другой, одобрительно оскаллился, продолжая злобно присматриваться к пассажирам. В какой-то момент его глаза вспыхнули алчным огнем, он быстро выплюнул изжеванную папиросу и кивком, незаметно для окружающих, указал на молодого военного, одетого в вылинявшую на солнце и от долгого ношения суконную форму.

– Ништяк, – почти не разжимая губ с налипшей на них шелухой, негромко произнес Жорик.

Он ладонью стремительно вытер рот и принялся быстро озираться, выискивая кого-то на многолюдном перроне глазами, вдруг ставшими темными от едва сдерживаемого гнева. Заметив возле толстой торговки с семечками конопатого мальчишку лет семи-восьми, который, судя по его поведению, целился украсть у нее из оттопырившегося кармана кофты деньги, Веретено негромко свистнул. Мальчишка, раздосадованный тем, что его отвлекли, с неохотой оглянулся, сооротив недовольную мину на худощавом испачканном в мазуте лице.

– Эй, Шкет, – окликнул его Жорик, – подь сюда!

Он отчаянно замахал рукой, следя боковым зрением за военным, который остановился от них в нескольких шагах, поставил фанерный чемодан у ног и полез в карман галифе за сигаретами, собираясь закурить.

Мальчишка окинул торговку сожалеющим взглядом, быстро смазал тылом ладони под курносый носом, где висела зеленая сопля, потом тщательно вытер руку о коричневые штаны, на одних каблуках стоптанных ботинок круто развернулся и резво побежал к Жорику, придерживая полы куценького пиджака.

– Чего тебе, Веретено? – спросил он, застыв перед известным в городе вокзальным вором, глядя на него лихими глазами. – Работенка намечается?

Не отвечая на его слова, Жорик по-отечески положил свою влажную от пота ладонь ему на затылок. Чувствуя смуглой от загара, без единого намека на мозоли кожей жесткие, спутанные волосы мальчишки, он силком повернул его голову в сторону военного, который стоял у края перрона и с удовольствием курил, с интересом рассматривая кирпичную водонапорную башню.

– Видишь вон того летеху? – вполголоса поинтересовался Веретено. – С чемоданом?

– Ну... – ответил мальчишка и тотчас, независимо отставив ногу, взглянул снизу вверх на Жорика. Жмуря в рыжую крапинку плутоватые глазенки, напомнил: – Веретено, в прошлый раз ты мне зажигалку немецкую обещал... Но так и не отдал, зажилил... Не дело это.

– Не борзей, Шкет, – опешил от подобной наглости Жорик. – Сказал, отдам, значит, отдам.

– Отвечаешь?

Глядя на ухмыляющуюся физиономию Лиходея, Веретено, которому было очень жаль расставаться с красивой зажигалкой американской фирмы Zippo, с видимой неохотой ответил:

– Век воли не видать, – и чуть подумав, зло чиркнул себя выпуклым ногтем большого пальца по кончику темного от чифиря переднего зуба, – зуб даю!

– Другой разговор, – сказал мальчишка и деловитой походкой озабоченного неотложными делами хозяйственного человека направился в сторону военного.

Подойдя со спины к Журавлеву, который теперь смотрел на приближающийся слабосильный паровоз, тянувший за собой десяток вагонов с демобилизованными солдатами, малолетний подельник старших воров остановился поблизости. Нарочито задрал голову, как бы разглядывая плывущие по небу облака, на самом деле он тоже посматривал на паровоз, с нетерпением дожидаясь, когда тот подойдет. Как только тупое рыло, пышущее маслянистым жаром и обжигающим паром, с ним поравнялось, проворный мальчишка внезапно схватил чемодан двумя руками и бросился наутек, практически под колеса паровоза.

В самый последний момент, прежде чем паровоз успел проехать мимо, юный преступник оказался уже по другую сторону движущихся вагонов. Неловко ступая по шпалам и продолжая держать чемодан двумя руками перед собой, он поволок его в закутки разбомбленных пакгаузов с сохранившимися кое-где остовами кирпичных стен.

– Вот Шкет дает! – воскликнул всегда сдержанный Лиходей, несказанно восхищенный его отчаянным поступком, с ухмылкой провожая мальчишку прищуренными глазами.

Машинист дал пронзительный гудок, но заметив, что хулиган не пострадал, вновь стал набирать скорость, погрозив ему из окна грязным кулаком с навечно въевшимся в кожу техническим маслом.

Журавлев метнулся было следом за мальчишкой, но видя, что не успеет, перебежать пути перед паровозом не решился. Он остановился на краю перрона, стараясь разглядеть воришку между мелькавшими вагонами. Пока поезд, стуча на стыках колесными парами, двигался вдоль вытянутого здания железнодорожного вокзала, шустрый мальчишка успел скрыться в развалинах.

– Басурманин! – в сердцах пробормотал Журавлев, от волнения переступая с ноги на ногу, дожидаясь, когда пройдет последний вагон с ликующими от того, что живыми возвращаются домой, солдатами. – Как пацана, вокруг пальца обвел!

Он нетерпеливо соскочил на полотно. Перепрыгивая через рельсы и сразу через несколько шпал, большими прыжками понесся к видневшимся впереди пакгаузам, запомнив место, где в последний раз видел воришку.

Веретено и Лиходей быстро переглянулись и, не сговариваясь, одновременно бросились следом за ним, стараясь все же держаться на почтительном расстоянии. Без жалости выбросив

по дороге горсть каленых семечек, Жорик на бегу вынул из кармана пружинный нож, выкинул лезвие и, крепко зажав рукоятку в руке, предупредительно спрятал острое жало в рукаве распахнутого пиджака. Не отставая от своего кореша, Лиходей тоже достал из кармана суконных брюк оружие – кастет с острыми шипами и на ходу надел на правую кисть. Угрожающе размахивая в воздухе увесистой свинчаткой, Лиходей ускорил бег, по-настоящему переживая за дальнейшую судьбу своего юного поделщика, если того вдруг заметет за кражу милиция.

\* \* \*

Касаясь коленками блестящих головок рельсов, Илья на корточках пролез под черной вонючей цистерной с мазутом. Поспешно выбравшись с другой стороны, он едва не попал под маневровый паровоз, успев за секунду до столкновения проскочить перед ним на расстоянии каких-то нескольких сантиметров, на миг скрывшись в облаках белесого влажного пара.

– Мудила! – обозвал его грязный от копоти машинист, высунувшись по пояс из окна. – Жить надоело? А еще фронтовик!

Не обращая внимания на продолжавшие раздаваться за спиной грозные матерные окрики, Илья быстро преодолел два десятка шагов, разделявшие его от каменной стены. Сходу влетев под низкие чудом сохранившиеся своды крайнего пакгауза, за которым виднелись полуразрушенные лабиринты кирпичных перегородок, он в растерянности остановился и стал настороженно озираться вокруг. Паровозные гудки и привокзальный шум снаружи сюда доходили приглушенными, зато бетонный пол, усыпанный цементной крошкой, ощутимо дрожал от проходивших мимо тяжелых товарных составов.

– Эй, пацан, – негромко окликнул Журавлев, чутко прислушиваясь к гулкому эху, – выходи! Ведь все равно найду. Если сам вернешь чемодан, тебе ничего не будет. В противном случае в милицию сдам. А вначале самолично по шее накостыляю, – чуть подумав, припугнул он. – Давай, выходи. Не играй на моих и без того расстроенных нервах. Считаю до пяти. Раз, – начал он отсчет, – два-а...

Не услышав ни малейшего звука, ни после пятого, ни после шестого отсчета, Илья, выходя из себя, сердито крикнул:

– Сам напросился!

Журавлев слыл на фронте неплохим разведчиком и имел от командования не одну награду за проведение военных операций в глубоком тылу противника. Он поправил фуражку, чтобы она не свалилась с головы, низко наклонился и осторожно двинулся вперед, зорко высматривая под ногами приметы, оставленные в спешке малолетним преступником. Илья передвигался с настолько кошачьей грациозностью, что даже мелкие хрупкие камешки, густо усеявшие пол после фашистских бомбардировок станции в войну, не хрустнули под подошвами его тяжелых кирзовых сапог. Определить, куда несколько минут назад направился мальчишка, ему не составило особого труда.

Воришку Илья разыскал минут через пять. Он сидел в глубокой пыльной норе, образованной обвалившимся бетонным перекрытием и кирпичной аркой. Вжавшись изо всех сил спиной в прохладную стену, мальчишка тяжело дышал, вздымая худенькие плечики, испуганно таранил блестящие в полумраке глазенки и крепко зажимал двумя руками нос, чтобы случайно не чихнуть.

– Вылезай, постреленок, – обратился к нему Журавлев непривычно ласковым для себя голосом, стараясь еще больше не напугать и без того несчастного мальчишку. – Вылезай на свет божий.

Но тот отрицательно замотал головой на тонкой хрупкой шее, да с такой отчаянной решимостью, что того и гляди она у него оторвется; свернулся в крошечный комочек и еще сильнее вжался в стену, подобрав худые ноги в рваных на острых коленках штанишках.

С невыносимой болью в душе, глядя на грязное тело, видневшееся в прореху, Илья по-доброму предложил:

– Вылезай, брат, не бойся, я тебя в обиду не дам. Пошутил я насчет милиции...

Мальчишка надул губы и вдруг навзрыд заплакал, выдувая слюнявые пузыри, мелко-мелко качая отрицательно головой.

– Ну, брат, это не дело, – поморщился Журавлев, с тяжелым вздохом протянул руку, цепко ухватил мальчишку за костлявое плечо. – Говорю тебе, что ничего не будет... – уже сердясь, сказал он и стал насильно вытягивать воришку наружу из его убежища, будто зверька из норки.

– Дяденька, – внезапно звонким голосом заверещал мальчишка, – не бейте меня, я больше не буду. Простите меня-а-а!

– Ты чего? – опешил Илья и ослабил захват. – Я же, наоборот, хочу тебе помочь. Вылезай, говорю...

И тут мальчишка, изловчившись, больно укусил Журавлева за указательный палец.

– Вот негодяй, – отдернул руку Илья, рассматривая отметины от острых зубов и выступившую капельку крови. – А ну вылезай, – потребовал он, придя к окончательному для себя выводу, что мальчишка просто так не сдастся, – не тот характер.

– Убиваю-у-ут! Карау-у-ул! – совсем нечеловеческим голосом завизжал хитрый воришка, отбрыкиваясь ногами и руками от протянутых пальцев Журавлева, что со стороны можно было и вправду подумать, что его режут заживо. – Помогие-е, кто може-е-ет!

– Что ж ты за человек такой! – воскликнул с досадой Илья, и в этот самый момент что-то холодное и тяжелое обрушилось на его потный затылок, с которого в пылу борьбы с малолетним преступником свалилась военная фуражка; в ту же секунду острая невыносимая боль пронзила мозг, и Илья потерял сознание.

Удар был такой силы, что легковесный Лиходей перелетел через грузно опрокинувшееся тело Журавлева и едва устоял на ногах. Прижимая подрагивающую руку с кастетом к тщедушной волосатой груди с синими наколками, на которой была распахнута рубашка, он быстро восстановил устойчивость, развернулся всем корпусом и вновь подскочил к военному. Замахнувшись в очередной раз, чтобы ударить его в висок, Лиходей вдруг увидел, как из-под головы лейтенанта медленным бугристым валом выползает темная густая кровь.

– Готов, – сказал он, злобно ворочая налившимися дурной кровью глазами. Пнув носком ботинка в бок лежавшего на бетонном полу парня, Лиходей пренебрежительно сплюнул в сторону, обернулся к пацану и глухо спросил: – Ну как ты, Шкет? Все ништяк?

Мальчишка, который минуту назад размазывал по смуглому лицу горькие слезы и зеленые липкие сопля, теперь был на удивление спокоен. Он задом наперед выбрался из своего убежища, вытягивая двумя руками за крепкие бельевые веревки, туго перетягивающие крест-накрест пухлый чемодан, украденную им крупную добычу, из-за которой претерпел столько лишений. Опасливо косясь на распростертое тело военного, он брякнул чемодан под ноги Жорки-Веретена.

– Ну, малой, ты сегодня и отличился. Век воли не видать, – поощрительно заметил Веретено, с неохотой вынул из бокового кармана пиджака блестящую лакированными частями зажигалку и протянул своему юному подельнику. – Бери, заслужил.

– Мне бы еще сигареточку, – попросил мальчишка, заметно гордясь своим преступным ремеслом и по-блатному, как давеча Лиходей, цвиркнул сквозь зубы слюной на грязный пол. – А то уши опухли без курева, – сказал он, как видно, подражая кому-то из взрослых.

Через минуту он уже умело курил, ловко пуская колечки дыма, все ж время от времени с беспокойством поглядывая на Илью, очевидно, не совсем еще уверенный, что военный теперь для него совсем не опасен.

Разрезав ножом веревки, Жорик, предвкушая богатый улов, торжественно откинул крышку. Увидев содержимое чемодана, он разочарованно присвистнул, а его лохматые брови от удивления взметнулись под самый козырек ношенной кепки.

– Из Германии... трофеи... часы... золотишко, – четко отделяя каждое слово, со сдержанной яростью в голосе произнес он, передразнивая Лиходея. – Бодягу мне разводил тут. Баки забивал. А тут голяк чистый. Даже башлями не разжились.

– Кто ж знал, – виновато развел руками Лиходей, исподлобья, настороженным взглядом лоя каждое движение своего поделника, державшего в руках выкидной нож. В споре с противником перо было особо действенным аргументом, и на его памяти оно еще ни разу не подводило своего дурковатого хозяина: особенно в Мордовских лагерях, где они и скорешились. – Теперь-то чего базланить об этом.

Веретено вывалил поношенные, но зато аккуратно починенные и выстиранные вещи военного на бетонный пыльный пол, брезгливо поворошил лезвием ножа, сказал, злобно ощерив желтые прокуренные зубы:

– Парень не с фронта возвращался, а должно быть, из деревни приехал... Может, к родственникам, а может, и на работу устраиваться...

– Теперь-то чего зря базланить, – вновь повторил Лиходей и перевел хмурый взгляд на Илью, с затаенной надеждой, но, как видно, сильно сомневаясь, что они смогут в этот раз чем-то разжиться, вяло пробормотал: – Карманы не мешало бы обшарить... Вдруг да подфартило нам...

– Ты и обшаривай, – злым донельзя голосом ответил Веретено и, кивнув на ворох бесполезных в хозяйстве вещей, осклабился: – Мне какие есть башли, а тебе кальсоны.

Лиходей недобро покосился на него, но предусмотрительно промолчал, чтобы не вызвать у своего кореша очередного приступа ярости, когда ожидать от него можно все что угодно. Он стянул с напряженных бледных пальцев кастет, сунул его в карман. Пошевелив затекшими пальцами правой руки, на полусогнутых ногах приблизился к Илье. Присев на корточки, осторожно, стараясь не испачкаться кровью, которая уже лужей растеклась вокруг бездыханного тела, принялся обшаривать одежду военного. Нашупав в нагрудном кармане несколько сложенных пополам шуршащих банкнот, Лиходей стал лихорадочно вывертывать карман наизнанку: у него даже потухшие было глаза и те алчно заблестели от непредвиденной удачи, а на лице возникла довольная улыбка.

– Башли, – обрадованно сказал он. – Жорик, ты не поверишь, но кое-что нам перепало.

– Ништяк, – отозвался Веретено хриплым, но уже более мягким голосом. – Сколько?

Но ответить Лиходей не успел, потому что в эту минуту Илья неожиданно застонал и сильно ухватил его за руку окровавленными пальцами. Не ожидавший подобного бандит испуганно отпрянул назад и опрокинулся на спину. Не подавая виду, что в этот момент неслабо струсил, Лиходей быстро вскочил и стал вытаскивать из кармана кастет, как назло зацепившийся за подкладку.

– Не тронь, – распорядился Веретено.

Илья с трудом поднялся, упираясь руками в пол, сел, облокотившись на согнутые колени, обхватил свою голову ладонями. Морщась от невыносимой боли в голове и от непрекращающегося звона в ушах, он невнятно произнес спекшимися от кровавой корки губами:

– Что ж вы, сволочи, делаете?

– Ты кто? – в свою очередь спросил Веретено. – Что-то не похоже, что ты с фронта возвращаешься?

Сквозь кровавую пелену в глазах Илья обвел присутствующих бандитов рассеянным взглядом, задержав его на мальчишке.

– Как же я сразу не догадался, – сказал он и, несмотря на то что ему сильно досталось, и во всем теле ощущалась непреходящая слабость, и по-прежнему кружилась разбитая голова, сла-

бая улыбка тронула его губы, потому что, по всему видно, как раз и настал тот самый момент, ради которого он и прибыл сюда: самое время начать внедряться в местную банду. – А ведь Семыч предупреждал... что в Ярославле надо ухо держать востро.

Веретено и Лиходей многозначительно переглянулись. От внимательных глаз боевого разведчика это не ускользнуло, и Илья решил, что интуитивно выбрал правильную позицию поведения.

– Семыч... это кто? – осторожно осведомился Веретено, испытующе вглядываясь прищуренными глазами в его лицо с как-то сразу ввалившимися щеками, заросшими жесткой щетиной.

– Старинный друг моего брательника, – ответил Илья. – Знатным вором он был. Но это долго рассказывать.

– Знавал я одного вора по кличке Семыч, – раздумчиво произнес Жорик-Веретено. – Вместе отбывали срок в Мордовских лагерях. Потом я откинулся, а он по этапу отправился... в Воркуту. Уж больно непокорный был.

– А брат твой кто? – спросил Лиходей, начиная непонятно с чего нервничать. – Тоже сиделец?

С облегчением отметив про себя, что находится на верном пути, Илья с нарочитым деревенским простодушием ответил:

– Не-а, он был Герой Советского Союза, капитан бронетанковых войск. У нас в Тамбове он имел птичью кличку Филин. Может, слышали о таком?

– Это который банду организовал? – с недоверием спросил Веретено. – А потом под расстрельную статью попал?

– Он самый, – со вздохом признался Илья. – Из-за него мне в деревне и жизни не стало, всякий человек норовит обидеть... Как будто я в чем-то виноват. Вот и решил к вам сбежать на шинный завод... Жить-то надо как-то, – морщась сильнее обычного, чтобы показать, насколько ему больно, он ощупал свой затылок, произнес с обидой: – А тут вы чуток меня на тот свет не отправили, – и немного помолчав, попросил: – Возьмите меня в свою банду, парни. Глядишь, и я пригожусь. Опыт фронтовой имеется. А? – Он перевел умоляющий взгляд с одного на другого, потом на мальчишку, и вдруг, подмигнув ему, с жалостливой улыбкой сказал: – Подельник ваш, думаю, не против? Мы с ним уже успели близко познакомиться. Да и кое с кем из вас тоже, – Илья отнял руку от головы и показал озадаченным бандитам свою окровавленную ладонь. – Уж вы не бросайте меня... калеченного.

– Веретено, – вдруг обратился мальчишка к Жорику (чего Илья никак от него не ожидал), хмуро глядя на старшего исподлобья, – ты это... возьми его... к нам. Чего тебе стоит?

Парнишка, по всему видно, чувствовал свою вину перед незнакомым парнем, который вроде как оказался на поверку своим, потому что в следующую минуту подошел к Илье и неуверенно протянул ему свою грязную ладошку.

– Меня здесь все Шкетом кличут, – сказал он смущенно. – А мама Павликом называла... Только она умерла у меня... Под бомбежку попала в войну.

Было заметно, что это признание мальчишке далось с невероятным трудом, и он, чтобы не расплакаться от воспоминаний о матери, неожиданно грубо по-мужски выругался и яростно сплюнул на пол.

Веретено на это ничего юному подельнику не ответил, лишь несколько раз ловко прокрутил в пальцах выкидной нож, наглядно продемонстрировав Журавлеву искусное владение «пером». Лиходей вопросительно уставился на своего корефана, на всякий случай сунул руку в карман, стараясь на ощупь надеть свинцовый кастет на влажные от пота пальцы.

## Глава 5

Река непрестанно трудилась, день и ночь величественно несла свои воды, держа на плаву военные катера, гражданские пароходы и огромные серые баржи, груженные песком, кирпичом и другими строительными материалами, предназначенными для восстановления разрушенного в годы войны древнего русского города Ярославля. Волны равномерно набегали на пологий берег, с шорохом плескались, и зыбкая поверхность обширного водного пространства ярко играла зеркальными бликами. Высокое жаркое солнце, неподвижно висевшее по ту сторону Волги, сияло с голубого, без единого облака неба пронзительно желтым расплавленным медом.

От прекрасного вида широко раскинувшихся просторов, от обостренного чувства сопричастности к долгожданной Великой Победе у находившихся на набережной людей лучились глаза, светлые улыбки не сходили с одухотворенных лиц, и лишь у одного Леонтия Семенова на душе было хмуро, как в пасмурный день.

Надвинув на глаза светлую кепку, держа сжатые в кулаки руки глубоко в карманах широких льняных брюк, он размашисто шагал по еще неустроенной набережной, угрюмо глядя прямо перед собой. По его осунувшемуся лицу текли струйки пота, но не от духоты, а от напряженного мыслительного процесса. Мысли его были до того нерадостные, что впору было утопиться: взять да и прыгнуть прямо сейчас с высокого мола в воду. Семенов даже на минуту приостановился, окинул взглядом отдыхающих и снова двинулся дальше, ухмыляясь от нерадостной перспективы быть похороненным с вздутым животом и синим лицом, какие обычно бывают у всех утопленников.

С того дня, как Илья Журавлев отправился в Ярославль, минуло больше недели, а от него не было ни слуху ни духу: человек как будто сквозь землю провалился. Семенов уже голову сломал, прикидывая и так и этак, желая понять, куда занесло прикомандированного тамбовского оперативника: прибыл он на место или потерялся в пути? А ведь перед отъездом они не просто договаривались между собой, как старинные приятели, а Леонтий Семенов настоятельно требовал, даже приказывал, как старший группы, курирующий внедрение офицера НКВД Журавлева в местную банду, что как только Илья определится с работой и подыщет себе подходящую квартиру, он обязательно должен выйти на связь. Но даже если и устроиться не удастся, он все равно должен был выйти на связь в течение трех, максимум четырех суток. А в случае каких-то уж совсем непредвиденных обстоятельств дополнительно давалось еще пару дней. Но срок давно вышел, а известий от Ильи как не было, так до сих пор и нет.

Место для тайника, куда Журавлев должен был спрятать послание, было выбрано не абы как, а с умом. С таким расчетом, чтобы к нему всегда можно было подойти, не вызывая у окружающих подозрения и лишних вопросов.

Таким местом Семенов, как уже опытный в таких делах сотрудник, к тому же хорошо знающий местные обычаи, выбрал бетонную скульптуру на Волжской набережной. Еще с довоенной поры там, в импровизированном парке в окружении лип и вязов, на высоком квадратном постаменте стояла известная на весь Советский Союз спортивная композиция «Девушка с веслом». На крутобедрую стройную девушку приходили любоваться не только парни, но и солидные мужчины, чьи вторые половинки до того раздобрили на домашних харчах, что кроме жалости у своих мужей иных чувств не вызывали. Поэтому ничего странного в том, что неженатый парень мог сюда периодически приходить, не было и вряд ли могло вызвать по этому поводу какие-либо сомнения у празднующих по набережной горожан.

Единственным недостатком скульптуры после бомбардировки пристани немецкой авиацией во время войны стало отсутствие части ее изящной голени, которая сразу обрывалась после колена и дальше уже шла полая стопа, намертво прикрепленная к побеленному постаменту. Вот в эту нишу, скрытую от посторонних глаз, Илья и должен был класть выкуренную

папиросу «Норд» со спрятанным в ее полом мундштуке крошечным листком с нужными донесениями.

Бряд ли самый обычный, изжеванный и облюнявленный окурочок вызовет даже у заядлого курильщика желание сунуть папиросу себе в рот, чтобы сделать пару затяжек. На это все и было рассчитано.

«Угробили парня, – сетовал Леонтий, направляясь привычным маршрутом к скульптуре, которая даже без части ноги издали смотрелась красиво и гармонично, похожая на балерину в образе белоснежного лебедя. – Пропал парень не за понюх табаку, – размышлял он и от чувства собственной вины мучительно морщил лицо; потом резко выпростал руку из кармана и принялся указательным пальцем яростно тереть переносицу, как будто этот жест мог ему подсказать, где теперь разыскивать Илью. – Такого парня потеряли! И все из-за этих чертовых бандитов».

И хоть Семенов отлично понимал, что все это издержки их опасной профессии, в душе не мог принять того, что Илья Журавлев вот так бесславно погиб. От невыносимой тоски по жизнерадостному простоватому парню, по его крепкой фигуре, Леонтий заскрипел зубами и, непроизвольно сложив свои короткие пальцы в крепкую дулю, резко выбросил ее перед собой, зло пробурчал, как видно, имея в виду бандитов:

– А хрен вы добьетесь своего!

Две улыбочивые девушки в легких платьицах в горошек, чинно, под ручки прогуливающие по дорожке, поравнявшись, испуганно отпрянули в разные стороны. Для молоденьких подружек это, по всему видно, оказалось очередным приключением, потому что, переглянувшись, одна из них, недоуменно вскинув брови, пожала плечами, а другая многозначительно покрутила пальцем у виска. Они весело прыснули, прикрывая рты ладошками, как бы стыдясь смеяться над неуравновешенным чудаковатым незнакомцем, опять взялись под ручки и с еще большим оживлением направились дальше.

Семенов всего этого уже не видел, так как в это время всецело был занят тем, что наблюдал за не менее странными (если судить с точки зрения девушек по отношению к нему самому) действиями мальчишки. Одетый в мешковатый, просторный для его юного возраста пиджак, в порванные на коленях замызганные брюки и в коричневую болтавшуюся на его маленькой голове кепку, которую оборванец то и дело поправлял, мальчишка торопливо шел со стороны городского пляжа.

Леонтий не знал, что кличка у этого бедолаги была Шкет, он числился в местной банде мелким воришкой и выполнял несложные поручения типа стоять на стреме, чтобы вовремя предупредить старших дружков об опасности во время их противоправных действий.

Неожиданно Шкет приостановился возле скульптуры девушки с веслом, быстро огляделся по сторонам и стремительно запустил свою грязную ладошку в ее полу ступню. Через пару секунд он вынул оттуда окурочек от папиросы «Норд».

В последние дни Леонтий настолько был занят мыслями о пропавшем Илье и их тайнике для передачи секретных сведений, что просто не мог ошибиться. Он немедленно ускорил свой шаг, а заметив, что мальчишка, спрятав окурочек в карман, собирается лихо спрыгнуть с кручи, которая в этом месте выдавалась над пологим берегом, очевидно, чтобы срезать себе дальний путь, громко окликнул:

– Эй, пацан, погодь!

Леонтий увидел, как мальчишка от его окрика вздрогнул и, передумав прыгать, припустился рысью по направлению к трамвайной остановке, то и дело оглядываясь на бегу. В той стороне находились кирпичные развалины пятиэтажных домов, разбомбленные фашистской авиацией, и если пацан успеет в них скрыться, то найти его будет совсем не просто.

– Стой тебе говорю! – закричал Семенов. – Дело у меня к тебе имеется! Не бойся!

Как только он произнес последнее слово, мальчишка подхватился с такой прытью, что Леонтию, чтобы догнать ловкого сорванца, пришлось использовать всю свою физическую подготовку, которой время от времени приходилось заниматься в закрытом спортзале НКВД. Только вряд ли ему и физические упражнения пошли бы на пользу, если бы вовремя не подошла добровольная помощница в лице расторопной кондукторши трамвая. Она на ходу ловко выпрыгнула из вагона и неожиданно встала на пути пацана, широко раскинув руки.

– Стой, шпанюка, – крикнула она, успев в самый последний момент цепко ухватить его сзади за воротник пиджака, когда мальчишка пытался проскочить у нее под рукой. – Опять чего-нибудь слямзил, паршивец ты этакий!

– Тетенька, – жалобным голосом заныл Шкет, привычный к подобному обхождению со стороны взрослых, старательно выдавливая нарочитые слезы, чтобы избежать неминуемой расплаты, – пустите-е-е... Чего вам всем от меня нужно-то-о?

Подбежал, тяжело дыша, Семенов, ухватил потной рукой мальчишку за рукав, обращаясь к кондукторше осекшимся от бега хриплым голосом:

– Спасибо за службу... Вы свободны.

– А чего он такого сделал-то? – все же не утерпела, чтобы не поинтересоваться, женщина и сама себе ответила: – Видать, чего-нибудь спер! Уж больно за войну много безотцовщины развелось, – тотчас посетовала она со вздохом, губы у нее задрожали, и полное лицо плаксиво сморщилось, она всхлипнула, горестно произнесла: – Сиротинушка ты моя бедненькая. Может, ты голодный?

– Да иди ты, – оттолкнул ее руку Шкет, кровно обиженный своим задержанием. – То ловит, сама не зная зачем, то жалеет. Не нуждаюсь я в твоей бабьей жалости!

– Ты гляди-ка, – возмутилась кондукторша, – ну прям волчонок. Вы с ним построже, – напутствовала она Семенова, уходя, обидчиво поджав губы.

Круто развернулась и неловко побежала к трамваю, водитель которого уже подавал нетерпеливые звонки, чтобы ехать дальше по маршруту.

– Эй, тетка, – загорланил в распахнутую дверь какой-то молоденький солдатик с перевязанной головой, – поехали, некогда нам!

– Да бегу я, – раздраженно отмахнулась от него женщина и, припустив рысью через дорогу, вполголоса про себя бормоча: – Тоже мне умник нашелся... сморчок.

Проводив ее несуразную, одетую в несколько одежд приземистую фигуру взглядом, Семенов сокрушенно мотнул головой и обратился к мальчишке, которому на месте не стоялось: он так и стриг живыми глазами по сторонам, должно быть, еще надеялся сбежать.

– Окурки доставай, – с самым серьезным видом распорядился Леонтий.

– Чиво-о? – озадаченно протянул Шкет и изумленно вытаращил глаза так, что больше уже и некуда.

– Быстро!

– И все? – не поверил мальчишка.

– Все.

Шкет поспешно сунул руку в карман пиджака, принялся там лихорадочно шуровать. Через несколько мгновений он протянул Семенову горсть разнокалиберных мятых и грязных от пепла окурков, ссыпав их в подставленную широкую ладонь.

– Все? – сглотнув слюну, вновь поинтересовался мальчишка, заинтригованный столь невероятным до безумия поступком взрослого человека. – Я могу идти?

– Свободен, – кивнул Семенов, и дал мальчишке легкого подзатыльника, внушительно напутствовав: – И чтобы я больше не видел, что ты куришь.

Шкет стремительно крутанулся на кривых каблуках стоптанных ботинок, на ходу подтянул сползавшие брюки и припустил вдоль улицы, время от времени оглядываясь на странного

мужика, который, очевидно, за неимением денег на папиросы, отнимал у слабосильных и безобидных пацанов собранные ими бычки.

Прикрыв горку окурков в своей руке другой ладонью, Семенов заспешил к скамейке, находившейся в нескольких десятках шагов. Сев на скамейку, он высыпал окурки прямо на свои светлые брюки, и с нетерпением принялся их разгребать, выискивая папиросы марки «Норд». Таких нашлось восемь штук, но ни в одном полом мундштуке никаких записок-сообщений, к его глубокому разочарованию, не оказалось.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.